

№1

Январь 2018

УССКИЙ КЛУБ

**ЖИЗНЬ, ОЗАРЕННАЯ
ВИФЛЕЕМСКОЙ ЗВЕЗДОЙ**

С. 6

Мир без преград

*Банк ВТБ – Генеральный спонсор
Московского Международного
Кинофестиваля*

8 (800) 200–77–99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rsmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№1
(148)
Январь 2018

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ЖИЗНЬ, ОЗАРЕННАЯ ВИФЛЕЕМСКОЙ ЗВЕЗДОЙ
- 10 НОВОГОДНИЙ МАРОФОН
ИРИНА КАНДЕЛАКИ
- 14 «Я НЕ ИМЕЮ ПРАВО ОТСТУПАТЬ»
НИНА ШАДУРИ
- 19 С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, МАСТЕР!
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 27 ПРИЗ ИМЕНИ ВЕРИКО АНДЖАПАРИДЗЕ – ГРИБОЕДОВЦАМ!
- 28 «ПРИЛИВ НЕЗАТЕЙЛИВЫХ ИСТИН...»
ЕВГЕНИЯ ПОЛТОРАЦКАЯ
- 34 НОСТАЛЬГИЯ В СТИЛЕ ЭЛЬДАРА РЯЗАНОВА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 37 ЛЕТЯЩЕЙ ПОХОДКОЙ – ПО СЦЕНЕ, ПО ЖИЗНИ
ИРИНА ШЕЛИЯ
- 42 ДЮЙМОВОЧКА, КОНЕК-ГОРБУНОК, КАРЛСОН, МАУГЛИ И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ
- 44 СТИХОТВОРЕНИЯ
ЕЛЕНА ШАХНАЗАРОВА
- 46 КАК МЫ СПАСАЛИ РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТУ
ИРИНА МАСТИЦКАЯ
- 47 ЯНВАРСКАЯ РОЗА
ВАЛЕРИЙ ПАРТУГИМОВ
- 48 И ЧУДО ЕСТЬ БОГ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 50 ОПЕРНАЯ АНТРЕПРИЗА ЛАВРЕНТИЯ ДОНСКОГО В ТИФЛИСЕ
МАРИЯ КИРАКОСОВА

На обложке – Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх
всея Грузии Илия Второй

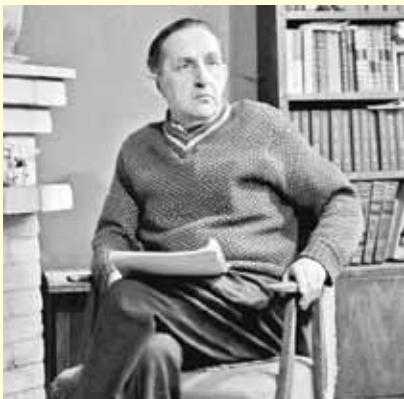

от Я до

■ Роб АВАДЯЕВ

ЧЕТЫРЕ КИЛО ГВОЗДЕЙ

Такую цену заплатил начальнику колонны старожил лагеря в Инте зек Валерий Фрид – будущий знаменитый киносценарист за недавно прибывшего зека Смелякова. В итоге опального поэта перевели на их с Юлием Дунским участок. И всю оставшуюся жизнь Ярослав, завидев этих неразлучных друзей, растроганно приговаривал: «Жизнь они мне спасли!» Гениальный автор стихотворения «Если я заболею, к врачам обращаться не стану» посидел по тюрьмам и лагерям немало. Сам себя он называл трижды зек Советского Союза. Первый раз он отправился в Троице-Печорский район, где отбыл срок с 1934 по 37-й год. Дело в том, что начинающий литератор Ярослав Васильевич Смеляков, начав свой трудовой путь наборщиком в типографии, попутно занимался в поэтических кружках. И даже неосторожно вступил в Союз писателей, а это в те годы было небезопасным. В результате донос и первый срок. По возвращении Смеляков работал выпускающим редактором газеты трудкоммуны им. Дзержинского и писал стихи. А как началась война, воевал на Карельском фронте. Но и там ему не повезло – попал в окружение и угодил в плен

к финнам. После освобождения, естественно, попал в фильтрационные лагеря еще на четыре года. Вытащили друзья-литераторы. Остался по месту отсидки и устроился на работу редактором в газету «Сталиногорская правда». В Москву ему дорога была заказана, но, конечно, Ярослав Васильевич режим нарушал – наезжал в столицу тайком, но никогда из осторожности не ночевал. О нем помнили коллеги и, как могли, пытались помочь. Влиятельный Константин Симонов поспособствовал с публикацией сборника стихов и возвращением в литературу. Оказалось, что ненадолго. Как-то подвыпив, Смеляков пожаловался случайному приятелю: «Странное дело! О Ленине я могу писать стихи, а о Сталине не получается. Я его уважаю, конечно, но не люблю». Ишь ты, «не любит – но уважает» – опять донос и новый срок. В Инту. Вот там-то его и выменяли на четыре кило гвоздей будущие авторы фильмов «Служили два товарища», «Экипаж», «Как царь Петр арапа женил» и сериала про Шерлока Холмса. Работать его поставили на легкий участок, в бригаду мусорщиков. И на тот момент это были самые интеллектуальные мусорщики в мире – академик, профессор, поэт и их подручный, симпатичный украинец из Львова. Короче, не жизнь была у Ярослава Смелякова, а приключенческий роман! В начале января исполняется 105 лет со дня рождения этого блестящего русского поэта.

ИХ СИЯТЕЛЬСТВО НА ПАРТСОБРАНИИ

Выдающемуся русскому писателю Алексею Николаевичу Толстому исполняется 10 января 135 лет со дня рождения. Переоценить его биографию дело благодарное, особенно в эпоху интернета, когда достаточно набрать его имя в поисковой строке и получить невообразимое число разнообразных ссылок. И чего там только не написано, от восторженных панегириков до разгромных пасквилей с обвинениями в беспринципности и приспособленчестве. Но, заметьте, никто не пытается критиковать его, как литератора – писатель он, что называется, от Бога. Но человеком был, скажем мягче, не особенно принципиальным. Одним из первых вернулся из эмиграции в Советскую Россию, где был обласкан новой властью, признан писателем-классиком,

принят в ряды ВКПб и даже сам товарищ Сталин с трибуны ласково и лукаво назвал его «товарищ граф». Да, Алексей Николаевич происходил из боковой ветви знаменитого аристократического рода Толстых, чем явно гордился. А советской власти импонировало, что такой знатный барин ее таки признал и явился к ней на службу. И «красный граф» с энтузиазмом бросился в работу, как в омут – написал немало и совсем неплохо. Роман «Петр Первый», трилогию «Хождение по мукам», фантастический роман «Гиперболоид инженера Гарина», для юношества повесть «Аэлита» и для детишек «Приключения Буратино». Неважно, что путешествие инженера Лося и красноармейца Гусева на Марс с революционной миссией напоминает творения писателя-графомана Эдгара Берроуза, а Буратино перелицован со сказки Карло Коллоди – Алексей Николаевич по писательскому калибру был круче их обоих. Что до его природного дворянства, то московским шутником доставляло удовольствие звонить в дверь его особняка на Спиридоновке, чтобы услышать от старого слуги, прошедшего с хозяином все мытарства и эмиграции: «Их сиятельство на партсобрании».

МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ I, ИЛИ ГОД НА ЧУЖОМ ТРОНЕ

Эта невероятная история произошла в реальности, а так похожа на киношную. Последняя треть XVI века, идет 1575 год. Правит на Руси грозный царь Иван Васильевич. Уже завоеваны Казань, Астрахань и Сибирь, отгребели ливонские войны, уходит в память страшная Опричина. Но по-прежнему набегают кровавые волны массовых казней, да жены у царя меняются, как в калейдоскопе – все как обычно у этого сверхэксцентричного персонажа отечественной истории. Люди, уставшие от его «чудачества», почти перестали удивляться. Не удивила даже весть, что царь отрекается от престола. Все это было, когда

Иван со двором убежал в Александровскую слободу. Но тут, как гром среди ясного неба – действительно уходит! И не просто уходит, а оставляет вместо себя на царстве крещеного татарского царевича Симеона Бекбулатовича из Касимовского удела – искусственно созданного буферного марионеточного государства. Это было круто даже для Грозного. Судите сами, правили семьсот лет худо-бедно Русью Рюриковичи еще со времен Новгородской и Киевской Руси. Хотя и были по корню своему пришлые варяги, но давно обрусели, стали своими. А тут – на тебе, чингизиды над русскими поставили, будто и не закончилось ордынское иго. Да, Симеон Бекбулатович и впрямь был из прямых потомков Чингис-хана, и звали его по настоящему Саин-Булат Касимовский. Русским он был только в первом поколении. Его отец, лихой Бек-Булат командовал татарской конницей царя Ивана и погиб в ливонской войне. Иван Васильевич его сына обласкал, на Касимовское царство поставил, к себе приблизил. А чтобы именитый татарин и вовсе стал «своим», велел окрестить его под именем Симеон и женил на княжне из рода Милославских и Шуйских. Вот такой появился на Руси новый царь! А себе Грозный оставил только титул князя Московского, удалился на улицу Петровку и поселился в скромном доме. Ездил в простых санях и писал новому царю челобитные, называя себя Иванец Васильев. При этом от власти в реальности не отошел – принимал послов, занимался поставками, отдавал воинские приказания. Симеон же жил в роскоши и, говоря современным языком, исполнял представительские функции. Москвичи всерьез Симеона не приняли и тихонько посмеивались в борды. А чиновные дьяки и вовсе игнорировали его указы, пуская их в дело, только получив добро

с Петровки. Жизнь была вполне себе мирная, правда, некоторая растерянность все же сквозила. Прошел год, и это странное двоевластие также внезапно завершилось – Иван вернулся на царство, а все вздохнули с облегчением. Симеон, очевидно, тоже – его вновь обласкали и назначили с большим почетом Великим князем Тверским. Что означал этот странный политический цирк грозного царя, так никто не понял ни тогда, ни сейчас. То ли Иван присматривался к польскому трону, то ли думал ввести новую опричнину, а может и вовсе, будучи человеком мнительным, получил от предсказателей дурной прогноз, что, дескать, царь в этом году помрет – вот, судачили люди, и посадил на трон на время кого не жалко... Только во всей этой истории жалко самого незадачливого местоблюстителя великого царя – Симеона-Саин-Булата. Все последующие узурпаторы на русском престоле: Борис Годунов, Лжедмитрий I и II, а также Василий Шуйский его страшно притесняли. Для них он был серьезным конкурентом, имевшим немалую поддержку у оппозиции. Симеона развели с женой и постригли в монахи, лишили всех привилегий и княжества, оставив только маленькую деревеньку. В монастырях, где его «держали в строгости» полуголодным, он, бедный, ослеп и горевал, пережив любимую жену Анастасию и всех своих детей. И только Романовы его помиловали, дав дожить последние годы в Москве в Симоновом монастыре. Неизвестен ни день, ни год его рождения, но день памяти Симеона – 15 января. Грустная история, но, как говорится в русской поговорке, «не в свои сани не садись». А с другой стороны, разве у него был выбор?

ЮБИЛЕЙ ЭЛЬДАРА ШЕНГЕЛЯ

Исполняется 85 лет выдающемуся грузинскому режиссеру, педагогу и сценаристу, Народному артисту Грузии и СССР, лауреату многих международных кинофестивалей Эльдару Николаевичу Шенгелая. Кроме прекрасных фильмов и сверхпопулярной в перестроечные годы комедии «Голубые горы, или Неправдоподобная история», он еще много занимался педагогической деятельностью, воспитав немало талантливых учеников. Был он и первым секретарем правления Союза кинематографистов Гру-

зии, и в свое время также входил в состав правления СК Советского Союза. Занимался активно Эльдар Николаевич и политической деятельностью, был депутатом Верховного совета Грузии и неоднократно избирался в парламент. Он и сейчас творчески активен, и все мы с нетерпением ждем его новых работ в кино. С юбилеем Вас, батона Эльдар!

РОЖДЕННЫЙ ДЛЯ ПОЛЕТА

А еще в январе родился один из самых талантливых людей Грузинской земли. Он прославил любимый Тбилиси на весь мир. Его имя стало синонимом творческого новаторства и свободы замысла творца, а фильмы приобрели культовый статус и вошли в сокровищницу мирового кинематографа. В январе 1924 года родился великий грузинский кинорежиссер мирового уровня Сергей Иосифович Параджанов – мастер сложных смыслов и зрительных поэтических образов. Он прожил непростую жизнь, где были и работа в разных городах, и политическое преследование, и тюремное заключение, и нужда. И во все годы о нем помнили друзья и недруги, им гордились, о нем спорили, с ним не соглашались, но признавали его очевидную гениальность. А в Старом городе установлен памятник летящего Сергея Параджанова, как на фотографии Юрия Мечетова, где он в развевающемся пиджаке взлетает над тбилисской мостовой.

Во время богослужения

ЖИЗНЬ, ОЗАРЕННАЯ ВИФЛЕЕМСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Над кроватью соседского мальчика Никуши висит портрет Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II. Это глубокая дань уважения духовному пастырю нации мальчика, кого, как и многих других третьих и последующих детей в семьях, чьи родители венчались, крестил самолично Илия Второй. Первое массовое крещение состоялось 19 января 2008 года в кафедральном соборе Цминда Самеба – Пресвятой Троицы. Ныне более 30 тысяч малышей являются крестниками Патриарха. Восьмилетний Никуша гордится этой подробностью своей биографии – старается соответствовать статусу крестника Святейшего. Конечно, он часто шалит, как и полагается нормальному ребенку, но рас-

тет справедливым и добрым, хорошо учится, здраво рассуждает, а на Рождество спел чистым голосом старательно выученный старинный церковный гимн.

Поколение детей, воспитанное на грузинских православных традициях, является для Католикоса-Патриарха лучшим подарком к его 85-летию, наивысшей оценкой его подвижнической деятельности.

Что греха таить, многие наши соотечественники склонны создавать себе кумиров из числа политических фаворитов. После разочарования в очередном идоле вместо любви остаются жалающие сердца осколки. Подобного рода популярность не имеет ровным счетом никакого отношения к главе Грузин-

ской церкви. В прошлом году торжественно отмечалось срок лет интронизации Патриарха, за эти годы служения он заслужил незыблемый авторитет мудрого правителя, опытного дипломата. Огромны его усилия, направленные на стабилизацию политической обстановки внутри страны, в Закавказье, на восстановление грузино-российских отношений. Согласно многочисленным опросам именно его называют самым влиятельным человеком в Грузии, проявляющим прозорливость, мудрость, милосердие, но в то же время – принципиальность в решении самых разных проблем, касающихся вопросов веры и мирских забот. Его уважают, его чтят, его любят.

Он был рядом с народом в трагическую ночь 9 апреля, в годы гражданской распри неизменно призывал прекратить братоубийственную войну и сесть за стол переговоров. Он не только откровенно называет язвы общества, но и предпринимает шаги, помогая подняться оступившимся, впавшим в нищету, потерявшим веру в себя и в людей.

В честь 85-летия Святейшего Патриарха не состоялись торжества. Католикос отказался от них, посчитав их неуместными. На следующий день после скромно отмеченного дня рождения он прошел очередное обследование в клинике. А в рождественскую ночь отслужил торжественную литургию в кафедральном соборе Цминда Самеба и обратился к верующим с традиционным посланием. В рождественской эпистоле Патриарх, как обычно, не ограничился благословениями, он заострил внимание на острых социальных проблемах, в частности, на наркомании и низкой рождаемости, отметив, что страна стоит на грани демографической катастрофы. В то же время Илия Второй выразил уверенность, что страна, которая находится под особым покровительством Господа и

Богородицы, и на протяжении 2000 лет показала множество примеров самопожертвования во имя веры, сохранит дух христианских ценностей. Предложения, высказанные в эпистоле, не прошли незамеченными, по словам председателя парламента Грузии Ираклия Кобаидзе, они будут учтены при разработке государственной программы наркополитики.

В нынешнем году в традиционном шествии «Алило» приняло участие до ста тысяч человек. Впереди шли дети, одетые в белые одежды с красными крестами, представители духовенства, ряженные, изображавшие ангелов, волхвов, пастухов. Собранные под песнопения о благой вести дары были распределены между немущими, сиротами, обитателями домов престарелых. О столь красочном празднике милосер-

нович Гудушаури-Шиолашвили и Наталия Иосифовна Кобаидзе. В то время во Владикавказе была грузинская церковь Святой Нино, в которой и был крещен будущий Патриарх. В 1938 году церковь закрыли. О годах гонения на церковь Илия II вспоминает: «Мое детство совпало с очень тяжелым периодом для грузинской церкви. Преследовали священнослужителей, закрывали церкви. Люди боялись посещать службы. В нашем доме часто укрывались преследуемые духовные лица, они оставались у нас по месяцам и оставили неизгладимый след в моих мыслях и характере».

В семье Георгия Шиолашвили дружелюбно относились и к мусульманам-кистинцам, которые, по словам Илии Второго, часто приходили в их дом и в комнате для гостей молились

было продуманным шагом, к которому он шел с юности. В 1952 году Ираклий Шиолашвили окончил 22-ю среднюю школу города Орджоникидзе (ныне Владикавказ) и поступил в Московскую духовную семинарию, которую окончил в 1956 году, а затем продолжил обучение в Московской духовной академии.

16 апреля 1957 года в храме Святого Александра Невского в Тбилиси студент II курса Духовной академии Ираклий Шиолашвили по благословению Католикоса-Патриарха Мелхиседека III был пострижен в монахи с именем Илия в честь Святого пророка Божия Илии. Постриг совершил старец-епископ Зиновий (Мажуга), тогда же предсказавший монаху Илии Патриаршее служение.

Предстоятель прошел сложный путь от дьякона до Патриарха, приняв бразды правления Грузинской церковью в 1977 году, когда в стране было всего 48 действующих церквей. Число прихожан можно было пересчитать по пальцам. Патриарх возглавил процесс духовного возрождения Грузии, опираясь на традиции, историческое наследие страны, на поддержку духовенства и интеллигенции, деятелей культуры и науки. Неслучайно становление национального самосознания, избавление от догматов советской идеологии в Грузии неразрывно связаны с возрождением христианского мировоззрения, с обращением к вере, к православию как к фундаментальной основе государственности страны. Уже в 80-е годы началось восстановление Церкви. В настоящее время в Грузии действует более 1000 храмов. Возрожденные обители, соборы и новые церкви стали духовными оазисами, они радуют глаз строгими пропорциями традиционного грузинского зодчества, атмосферой спокойствия, ухоженными садами.

В годы Патриаршества Илии Второго Грузинская автокефальная церковь вновь обре-

Во время крещения

дия полвека назад можно было только мечтать. В чести были иные лозунги.

В эпоху воинствующего атеизма родился Святейший Илия Второй – в миру Ираклий Гудушаури-Шиолашвили. Появился на свет он 4 января 1933 года во Владикавказе, куда переехали из родного села Сно, спасаясь от коллективизации, его родители – Георгий Симо-

по своим религиозным обычаям, после чего хозяева вместе с гостями собирались за столом. Благодаря усилиям Георгия Гудушаури-Шиолашвили и Наталии Кобаидзе в 1947 году во Владикавказе вновь была открыта грузинская церковь Пресвятой Богородицы. Намерение стать священником не было спонтанным решением для будущего Патриарха, это

Алилоба

ла независимость. Количество епархий в Грузии увеличилось с 15 до 33. Были открыты новые Духовные семинарии и возродились Тбилисская и Гелатская Духовные академии. В столице возвели самый большой храм Грузии – Патриарший собор Святой Троицы.

За пастырское служение Католикос-Патриарх награжден различными наградами. Среди

них – Ордена Святой равноапостольной Нины, Святого великомученика Георгия Победоносца, Святого Иоанна Рыльского I степени, Святого равноапостольного князя Владимира I степени и князя Ярослава Мудрого III степени.

За восстановление независимости Грузинской Православной Церкви, за духовное и физическое спасение грузин-

ского народа, за особый вклад в строительство государственности и борьбу за воссоединение страны Илия II награжден Орденом Давида Агмашенебели.

За неоценимые заслуги перед грузинским народом Илия Второй награжден Грузинской православной церковью Золотым орденом хитона Господня.

Илия Второй является Почетным доктором богословия Нью-Йоркской Духовной академии и Свято-Тихоновской Духовной семинарии Православной Церкви в США, а также Духовной академии Киева, острова Крит и Тбилисского государственного университета. Патриарх – лауреат премии Международного фонда единства православных народов «За особые заслуги в деле укрепления братских уз между православными народами и Церквями».

С 85-летием со дня рождения Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха всея Грузии Илию II поздравил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

«Его Святейшеству и Блаженству, Святейшему и Блажен-

Живопись - увлечение Илии Второго

нейшему Илию II, Католикосу-Патриарху всея Грузии

Ваше Святейшество и Блаженство, возлюбленный о Господе Собрат и Служитель!

Сердечно поздравляю Вас со знаменательной датой – 85-летием со дня рождения.

За долгое время служения на ниве Христовой Вы подобно царю Соломону явили мудрость, подобно праотцу Аврааму – добродетель гостеприимства, подобно праведному Давиду Псалмопевцу – творческие таланты. Имея попечение о духовном преуспейнии иерархов, клира и паствы Грузинской Церкви, Вы с любовью призываете их неустанно заботиться о едином на потребу (Лк. 10:42) и проводить жизнь во всяком благочестии и чистоте. Многими усердными трудами Вы снискали глубокое уважение и высокий авторитет в православном мире и ныне являетесь старейшим по продолжительности служения Предстоятелем Поместной Церкви.

Милостивый Спаситель да обновит душевные и телесные силы Вашего Святейшества и Блаженства, подавая Свою неоскудевающую помощь в высоком Патриаршем делании.

С братской во Христе любовью

ГергетскаяТроица

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл с Католикосом-Патриархом всея Грузии Илией Вторым

КИРИЛЛ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ».

Неслучайно российский Патриарх Кирилл сравнил юбиляра с Давидом Псалмопевцем – щедро одаренный разнообразными талантами Илия Второй является автором церковных песнопений и классических произведений, которые исполняются как в Грузии, так и в России, Англии, Франции. Наиболее известные из них – «Kyrie eleison» («Господи, помилуй!»), «Sanctus» («Свят»), «Agnus Dei» («Агнец Божий»), «Ave, Maria».

Иконы и живопись Святейшего хранится в резиденции Патриархии, в кафедральном соборе Святой Троицы, в храме Богородицы Манглиси, в Руставском

соборе Св. Вахтанга Горгасали.

Однажды долгий путь своего служения Илия Второй назвал «Солнечной ночью» – даже в самые беспросветные годы его согревали божественный свет надежды и вера, что настанет пора радости и единения для всего народа Грузии. За особую просветленность Патриарха любовно называют «Ангелом грузинской церкви», молятся за него, просят Всевышнего даровать сил и здоровья. Молятся, как за самого близкого человека, отца, наставника, мудрого и простого в своем величии учителя, посвятившего жизнь служению вере и родине.

НОВОГОДНИЙ МАРАФОН:

ТРАДИЦИИ И НОВШЕСТВА ПОД «МРАВАЛЖАМИЕР»

■ Ирина КАНДЕЛАКИ

«Пришел, увидел, победил!» – думаете это про Юлия Цезаря? Смотрите в корень! Про Новый год в Грузии. Древние греки, приплывшие к далеким берегам за Золотым руном, были настолько покорены размахом, с которым встречали праздник в Колхиде, что сохранили свои впечатления в анналах истории. Римляне спустя века употребили девиз по своему усмотрению. Вы вправе вскричать: «Чушь!». И я не стану отпираться, действительно, вру. Но разве не врут календары? Рациональные сыны Рима создали довольно приличный календарь, однако в наши дни даже самые современные «калькуляторы времени» не способны идеально сосчитать «пульс Бога». Человечество периодически проводит ревизию летоисчислению, продолжая пользоваться григорианским и юлианским календарями. Грузия не исключение – страна живет по новому стилю, а Грузинская православная

Грузинский Товлис баба

церковь – по стилю старому. Выигрывает самый любимый праздник – Новый год, который в Грузии встречают дважды – 1 и 14 января.

В языческую эпоху обильность встречи Нового года связывали с культом богов плодородия, старались задобрить их, чтобы год был урожайным и тучным. Эта мотивация не изжила себя и поныне – на Новый год полагается накрыть стол так, чтобы он ломился от закусок, рыбных и мясных блюд, сладостей и фруктов. Иначе год будет скудным. В течение многих эпох новогодние праздники в Грузии кочевали по сезонам: согласно историческим источникам, в IV веке Новый год начинался 6 августа, с VII века – в

сентябре. С 20-х годов IX века отсчет времени стали вести с 1 марта, а традиция встречать Новый год в январе, как в Европе, утвердилась с XIV века.

В Грузии Рождество Христово празднуют 25 декабря, но по старому стилю, то есть по юлианскому календарю. Таким образом, Светлый праздник наступает по новому стилю 7 января. Юлианского календаря придерживаются Иерусалимская, Русская, Сербская и Польская православные церкви, Афонские монастыри в Греции, Коптская православная церковь в Египте.

Рождественские праздники начинаются в Грузии в декабре – их отмечают традиционными концертами, музыкальными ве-

Новогодняя ярмарка на пр. Д. Агмашенебели

черами, ярмарками, выставками, звучат торжественные мессы в католических и лютеранских соборах. Со стародавних времен сохранилась традиция в рождественские дни делиться мирскими благами с нуждающимися. Рождество в Грузии неотделимо от шествия «Аллооба», когда под хоругвями и в сопровождении церковных песнопений по улицам проходит красочная процессия, собирающая пожертвования для бедных. Неспешно шествуют по улицам невозмутимые волы, запряженные в арбы, которые постепенно наполняются различным добром, вином, едой. Все эти щедрые дары раздаются во дворе кафедрального собора Св. Троицы нуждающимся людям, предоставляя им возможность достойно встретить праздник.

Многие грузинские старинные традиции встречи Нового года уникальны. Например, чествование первого гостя – меквле, переступившего в новом году порог дома. От меквле ждут всяческих благ, поэтому стараются, чтобы первый гость был удачливым и великодушным. Только надежных во всех отношениях людей обычно заранее приглашают стать мек-

Чичилаки у театра Резо Габриадзе

вле.

Рядом с привычной хвойной елкой в грузинском доме ставят чичилаки – тонко обструганную палочку. Ее белоснежные кудряшки украшают сухими фруктами, конфетами. Чичилаки также называют «бородой Басили». В архаические времена грузины почитали божество плодородия Босели, или «Бога скота». В честь языческого богочеловека на Новый год выпекали фигурки Босели. И эта традиция также сохранилась в современной Грузии, но после принятия христианства языческий Босели постепенно трансформировался в Свято-

го Басилия (Василия), который был сподвижником и столпом церкви в IV веке н.э.

Каждый малыш в Грузии расскажет вам, что местный Дедушка Мороз – Товлис Бабуа (Снежный Дед) живет в селе Ушгули в горах Сванети. На праздник он приносит детворе подарки и сладости в бездонном хурджине (двойном мешке), перекинутом через плечо. У Товлис Бабуа нет внучки, с одной стороны волшебник трудится за двоих, но с другой стороны – весной не приходится лить слезы над печальной участью растаявшей Снегурочки. Кроме того, Товлис Бабуа – красавец и умелый тамада, какая Снегурка посмеет, мило

улыбаясь в сторону гостей, зудить ему на ухо: «Хватит, кацо, пить до дна, до Старого Нового года силы рассчитывай!».

В этом году, как обычно, Товлис Бабуа облачился в парадную белую чоху, подпоясался серебряным ремнем, пристегнул к нему кинжал в филигранных ножнах, накинул на плечи бурку и прибыл в столицу с твердым намерением не пропустить ни одного торжества, приуроченного к Новому году. Однако программа праздника оказалась столь насыщенной, что, покружив по сверкающим гирляндами проспектам и площадям, посетив несколько

Меквле

концертов и многочисленные ярмарки, где торговали вином, сырами, чурчхелами, сувенирами в национальном стиле, побывав на диковинных перформансах, фестивале елок, потусовавшись на клубных вечеринках, повеселившись на искусственном катке, Товлис Бабуа понял, что нельзя охватить необъятное и поручил провести некоторые увеселительные развлечения и дискотеки своему коллеге Санта-Клаусу. Сам же решил, что нельзя пропустить конкурс бородачей. От всего сердца порадовался благотворительной акции «Стань Дедом Морозом для одного ребенка». Суть ее заключается в том, что письма детей с новогодними просьбами представители благотворительного фонда размещают в социальных сетях с призывом к людям, готовым оказать посильную помощь. Впервые подобная акция прошла в 2012 году, когда пациенты Центральной детской больницы имени Иашвили по инициативе председателя благотворительного фонда Тамты Демуришвили написали письма Деду Морозу. С тех пор проект стал более масштабным, в прошлом году подарки получили около 400

детей, проходящих лечение, а также дети из социально незащищенных семей. Одобрения Товлис Бабуа заслужил также девиз: «Вдохните искусство вместо наркотиков», предложенный авторами новогоднего проекта – Ria Keburia Gallery и ассоциации «Арт Кавказ» (Art Caucasus), которые провели для гостей необычное новогоднее представление, перформанс, видеоарт, фотоинсталляцию, показ грузинских фильмов.

Приобщился Товлис Бабуа и к новым традициям: в послед-

нимать шум и пальбу принято повсеместно. Например, в Гурии и Самегрело встречу Нового года называют «Каланда» и встречают оглушительной стрельбой из ружей. Ранним утром старейшина мегрельской семьи с наряженной чичилаки в руке и тарелкой гоми (грузинской мамалыгой), поверх которого лежит яйцо, выходит за порог и поздравляет соседей. Вернувшись в дом, он приглашает семью за праздничный стол. На главном праздничном столе в этих краях обычно стоят свиная голова, хачапури с

Гозинаки

ние годы стало модным собираться в новогоднюю ночь на площади, где проходит яркое шоу – поют, танцуют и шутят самые популярные артисты и музыканты. Молодежи нравится веселиться в толпе, представители шоу-бизнеса активно культивируют новое веяние, однако пока в поединке, как и где встречать Новый год, перевес все-таки за домоседами, отмечающими приход Нового года за столом с поросенком, сациви, салатами, сладостями, петардами и хитом на все времена «Мравалджамиер».

В полночь по всей Грузии начинаются фейерверки – по обычаю следует шумом отпугнуть злых духов. В каждом уголке страны есть свои новогодние традиции, однако под-

изображением Басила, фрукты, сациви, купаты.

В Раче на рассвете с дерева срезают молодые побеги, берут чичилаки и заходят в амбар со словами: «Я пришел к вам, пусть Бог будет к вам милостив. Пусть Новый год будет для вас годом приобретения и побед, мира и благополучия, мужества, изобилия вина и хлеба».

Жители высокогорья под Новый год запасаются чачей и варят пиво. Обычно главное блюдо праздничного стола – хинкали. Тушинцы пекут лепешки в форме различных животных и «Ангелов дома». Выпечку хевсуров легко узнать по украшающим выпечку крестам и фигуркам человека, быка, козы и пр. Хозяйки загадывают, ка-

кая фигурка поднимется выше других, от кого ждать богатства в будущем году. В Хевсурети пекут для каждого члена семьи «Лепешку судьбы».

В Пшави на Новый год домочадцы поднимаются с криком первого петуха, хозяйка дома ставит к очагу поднос с новогодними угощениями, чашами меда и масла. Младший член семьи, взяв хлеб и сыр, отправляется к роднику. Сыр и хлеб опускает в источник со словами: «Вода, я принес тебе угощение, подари мне счастливую судьбу». После этого приносит в дом воду и ставит сосуд на стол. Горцы угощаются медом и сухими фруктами, желая друг другу: «Ткбилад дамиберди» – «Состарься со мной в сладости». Только после этого ритуала приступают к трапезе. В Раче меквле по традиции умывает водой домочадцев, после чего завтракает с семьей за праздничным столом.

Библейской простотой овеяны эти ритуалы. Немудрено, что многие горожане мечтают встретить Новый год в засыпанном снегом доме, а то и сванской башне, у горящего очага. Другие стремятся в горы, но не в труднодоступные ущелья, а на фешенебельные горнолыжные курорты. Там, у подножья снежных вершин, наверно, зарождаются новые новогодние традиции.

В Тбилиси гарантом патриархальных традиций были старые дворы, которые в годы моего детства никому не приходило в голову называть «итальянскими». Наш двор, как и сотни других, был своеобразным «Ноевым ковчегом», населенным представителями разных народов, но принадлежащих к одной национальности – «тбилисской». Здесь сливались наречия и самыми обычными были смешанные семьи, среди них – армяно-азербайджанские, здесь на пасхальных столах соседствовали куличи и маца, а людей ценили за доброту и сердечность. Во дворе жили скромно, но на Новый год

Новогодний салют над Тбилиси

начинался парад кулинарных возможностей. Мтиульцы готовили хинкали, кахетинцы привозили из деревень вино и варили татару (лакомство из виноградного сока и муки). Имеретины и мегрелы состязались в приготовлении хачапури. Почтенная старушка с немецкими корнями одаривала детей самодельными марципановыми гномиками, родня с побережья присылала в город ящики с отборными мандаринами. В каждой семье наряжали елки, пекли пироги, заправляли пхали, жарили цыплят и свинину, колдовали над сациви из индейки. Сосед по балкону дядя Азат, похожий на египетского жреца из школьного учебника истории, слыл во дворе непревзойденным мастером по приготовлению гозинаки. Он возникал в нужном месте и в нужный миг, чтобы подсказать хозяйке, растопился ли достаточно янтарный мед, безошибочно угадывал момент, когда следовало всыпать наструганные орехи, снять с огня самое любимое лакомство.

Разве можно забыть, как торжественно произносил меквле: «Переступаю порог – благословит вас Господь! Мой след – след ангела! Доброго года – мира, богатства, люб-

ви, приумножения! Пусть прибавится в доме колыбелей, пусть созревают хлеба и вино! Гость хороший и все довольны! Счастливого Нового года!».

Благодаря пожилым людям мы знали, что в канун Нового года было принято оставлять входную дверь открытой, чтобы счастье вошло в дом. Свекрови напоминали молодым невесткам, что хозяйка должна оставаться дома весь день – гости могут придти неожиданно, и встретить их надо с почетом, накрыв праздничный стол. Старрики высокопарно наставляли: «Выпил – молчи». В Новый год недопустимы ссоры и конфликты. Поэтому перебравшему с выпивкой за новогодним столом раньше запрещалось не только подавать голос, но даже открывать рот. Стоит помнить об этом запрете, если, конечно, хочешь, чтобы наступивший год был спокойным, мирным и благополучным.

Мир стал более открытым, разнообразным, вмещающим в себя бесчисленные новшества, в том числе и китайские новогодние символы. Посему в наступивший год Собаки пожелаем друг другу жить по-человечески.

Георгий Гегечкори

«Я НЕ ИМЕЮ ПРАВА ОТСТУПАТЬ»

14 января – День грузинского театра

■ **НИНА ШАДУРИ**

В конце 2017 года председателем Театрального общества Грузии был избран Георгий Гегечкори, известный художник, сценограф, лауреат премии им. Котэ Марджанишвили, советник министра культуры и охраны памятников Грузии. Подобного события культурная общественность страны ожидала с большим нетерпением – как говорится, накопело. Нет необходимости объяснять, что значил для нашего города Дом актера, какова была роль Театрального общества Грузии для всей страны. Люди среднего и старшего поколения (молодое поколение, увы, этого не застало) прекрасно помнят культурный центр, в котором всю кипела творческая жизнь: выступали любимые артисты, проходили теа-

тральные встречи, обсуждались все горячие новости искусства, Театр «Дружба» проводил триумфальные гастролы лучших театров и артистов СССР и мира, издательство радовало великолепными новинками...

С приходом в Театральное общество Грузии Георгия Гегечкори появилась уверенность в том, что новый председатель вольет свежее вино в старые мехи. А то, что Гегечкори умеет это делать, сочетая уважение к традициям с самым смелым новаторством, он доказал уже не раз. На его счету – целый ряд осуществленных проектов поистине общегосударственного значения. Об этом и многом другом мы и поговорили с самим Георгием Гегечкори.

– **Главный вопрос: в каком состоянии вы приняли Театральное общество Грузии и что намерены делать на посту председателя?**

– Это не такой простой вопрос, как кажется. Постараюсь быть четким. В 2011 году в Грузии радикально изменилось отношение к понятию государственности. Можно сказать, что совершился переворот. Дело в том, что после развала Советского Союза не было идеологии, на которой можно было бы восстановить государственность страны. А ведь государство, тем более – маленькое, не может существовать без объединяющей основы. Такой основой в свое время стали христианство, принятое в 326 году при царе Мириане, и алфавит, азбука времен царя Парнаваза. Как сказано в «Картлис цховреба», «Парнаваз был первым царем в Картли из племени Картлоса, он распространил язык грузинский и больше уж не говорили в Картли на ином языке, кроме грузинского. И создал он грузинскую письменность...».

– **Вы проводите параллели с такими фундаментальными событиями...**

– Именно так. Во время царицы Тамары Грузия стала очень мощным и влиятельным государством в Малой Азии. И существовавших основ идеологии – азбуки и христианства – оказалось недостаточно. Царица Тамара, по всей вероятности, отдала приказ Шота Руставели написать своего рода кодекс государства. Этим кодексом и стал «Витязь в тигровой шкуре». В произведении не говорится ни о христианстве, ни о мусульманстве, ни о других конфессиях. Но идеология тогдашнего грузинского государства, основанная на определенных идеях, принципах, ценностях, в нем воплощена. Все великие отцы и умы нации понимали, что без духовного стержня существование государства невозможно. Илья Чавчавадзе лучше многих осознал, что подобный фундамент необходим. И что он сделал? Не только основал Общество грамотности и Национальный банк,

Дом актера им. А. Хоравы

но и организовал новое издание «Витязя...», подготовленное специальной комиссией, в которую вместе с ним вошли Акакий Церетели, Дмитрий Кипиани и другие. Денег на издание, однако, не было. И тут к Иванэ Мачабели пришел предприниматель Георгий Картвелишвили с вопросом: «Что я могу сделать для своей страны?» Мачабели ответил: «Издать «Витязя». К тому же в Грузии тогда, в 1881 году, находился венгерский художник Михай Зичи. (Кстати, как раз сегодня министр культуры Венгрии возложил венок к памятнику Зичи в Тбилиси). Зичи начал ставить живые картины – выбирал отрывки из поэмы, находил подходящих людей среди аристократии, одевал их в костюмы и выводил на сцену. За кулисами читался соответствующий текст из поэмы. Потом эти живые картины Илья Чавчавадзе возил по всей Грузии. Всего Михай Зичи поставил одиннадцать живых картин, одиннадцать ключевых сцен поэмы... В 1991 году распался СССР, и к власти пришел Звиад Гамсахурдиа. Он тоже понимал значение духовного фундамента для нации. В том же году он получил степень доктора по «Витязю...». У него, увы, не было ни опыта, ни денег, ни поддержки. Что тогда творилось, страшно вспоминать... Но необходимость национальной

идеи Гамсахурдиа понимал. Позднее я сам неоднократно беседовал и с Эдуардом Шеварднадзе, и с членами его правительства, пытался объяснить, что если «Витязь...» не станет национальной идеологией, мы не сможем создать сильное государство, не сможем восстановить то, что утрачено. Они меня слушали, но не понимали.

– Почему?

– Наверное, думали, что «Витязь в тигровой шкуре» – просто литература. А это – кодекс. Тогда же я предложил создать музей «Витязя...». Не такой, чтобы положить туда книгу и смотреть на нее, а живой музей, где заново, современными средствами, будет прочувствовано и представлено то, что стоит на книжной полке в каждом грузинском доме. В 2010 году ко мне в мастерскую пришел Бидзина Иванишвили. Тогда я не знал о его намерении прийти в политику, и никто ничего об этом не знал. У нас состоялся разговор. Вообще-то первоначально я хотел создать Зал «Витязя...» как Центр евразийской культуры и рассказал об этом Иванишвили. А он сказал – нет, давай сделаем музей. Понимаете, он сам всю жизнь живет по заповедям «Витязя...». Каковы фундаментальные заповеди? «Что ты спрятал – то пропало, что ты отдал – то твое», «Кто

друзей себе не ищет, самому себе он враг», «Лучше гибель, но со славой, чем бесславных дней позор»... Мой сын два года работал его личным помощником, и наблюдал, как каждый день Иванишвили, перекрестившись, выходил из дома, не зная, вернется ли... Он пришел к власти без единого выстрела, только на доверии и авторитете, которые выстраивал годами. Ему поверили. Потому что раньше, до 2011 года, мы вели недостойное человека существование. Я, например, не хотел жить в такой стране. Повторяю, сам Иванишвили живет так, как сказано в «Витязе...». Возможности у него огромные, и он их использует для страны. Он финансирует театры, библиотеки, музеи и помогает деятелям искусства... Потому что понимает: только на духовных ценностях и стоит государственность. И если такие люди погибнут с голоду, то некому будет создавать и укреплять государство.

– И вы пришли в Министерство культуры...

– Да, пришел... А ведь я девять лет туда не входил. Около 300 человек были в «черном» списке – все деятели искусства, на которых держится грузинская культура. Министерство находилось в совершенно невозможном состоянии. Вы просто представить себе не можете, как расходовались деньги. Например, на одну постановку «Кето и Котэ» было потрачено 1 миллион 725 тысяч лари. А за каждый показ спектакля перечислялось 50 тысяч, прима постановки получала 28 тысяч. В течение девяти лет, до 2012 года, из Президентского фонда Министерству культуры ежегодно перечисляли 21 миллион лари. То есть из фонда, средства которого должны расходоваться на ликвидацию последствий стихийных бедствий и подобные экстремальные ситуации.

Министерство мы получили в ужасном состоянии и в первую очередь начали уборку. Во всех смыслах. Мое направление, в основном, – изобразительное искусство. Но и театры, конечно, также находятся в поле мое-

го зрения, потому что я, можно сказать, родился в театре, это моя семья. Однако в первую очередь я все-таки обратил внимание на Академию художеств. Еще год-два, и ее здание просто рухнуло бы. А это шедевр архитектуры. Фасад решен в стиле неоклассицизма с элементами барокко. Внутреннее убранство выполнено в восточном стиле. Роспись потолка исполнена в технике стукко. Оформление каждого следующего этажа отличается от предыдущего. На стенах –

на реабилитацию Академии художеств. Что и было сделано. Сейчас почти все уже готово, и в будущем году я приглашу вас на открытие.

– А что вы успели сделать в области театральной?

– Первые практические шаги здесь были связаны с Телавским театром имени Важа Пшавела. Это огромное здание со стеклянным фасадом, внутри которого находится базилика. При прежнем правительстве здание было изуродо-

ганистан. Пять лет проработал в сельской школе, учил детей рисовать. Оформил несколько спектаклей в Телавском театре. Моя сестра вышла замуж за телавца. То есть появились контакты, наладились какие-то личные связи и отношения с этим регионом. Я часто там бывал и просто не мог больше выносить этот ужас – изуродованный театр. И мы с тогдашним руководством министерства культуры, по личной просьбе министра Гурама Одишария (кстати, многое из сделанного начиналось именно при нем) поехали в Телави. Встретились с губернатором, мэром города и, конечно, с руководителями театра. Один из архитекторов здания – мой старший друг Котэ Меманишвили. Я попросил его сделать новый проект реконструкции театра. Буквально за копейки. Он согласился, потому что сам не мог смотреть на то, как изуродовали его произведение. Потом мы нашли деньги, чтобы снять эти столбы, а затем деньги от проведения джаз-фестиваля – около миллиона лари – были направлены на реабилитацию Телавского театра. Сейчас в театре работает система отопления и охлаждения, отремонтированы коридоры и гримборные. Перед зданием установлен монитор, на котором транслируются рекламные ролики спектаклей. Министр культуры Михаил Гиоргадзе открыл обновленный театр и передал в дар ему бюст Важа Пшавела, который установили в фойе.

Это были наши первые практические шаги. Конечно, всего их было много, но реконструкция Академии художеств и Телавского театра – фундаментальные проекты.

– На памяти еще один значительный проект – восстановление легендарного занавеса Тбилисского театра оперы и балета им. З. Палиашвили.

– Идея была высказана министром культуры Михаилом Гиоргадзе: восстановить занавес, созданный в 1960 году известным грузинским художником Серго Кобуладзе. Это

Елена Гоголева на встрече с грузинскими актерами

уникальные фрески.

– Что вы сделали для спасения здания Академии?

– Я разместил в Академии свою выставку, чтобы воочию показать, в каком состоянии находится здание. На выставку пришли министр финансов Нодар Хадури, посол США в Грузии Ричард Норланд, почти все министры и парламентарии. Я буквально заставил министра финансов дать слово, что в следующем году реконструкция Академии художеств будет включена в план. И был уговор, что часть от доходов проекта Check in Georgia (а это 400 миллионов лари, вошедших в бюджет, при затратах в 29 миллионов) будет выделена

вано – на фасаде установили 78 бетонных столбов, сам фасад перекрасили в белый цвет, на крыше собирались сделать вертолетную площадку, а театр имени Важа Пшавела переделать в казино.

– Какое-то извращенное воображение...

– Абсолютно! Как можно было так поступить с единственным театром в Кахети, с культурным центром региона? Так совпало, что у меня в том районе, в деревне неподалеку, есть дом. Я там в школе работал, когда закончил Академию художеств. Сельские учителя в то время получали «бронь» от армии, и я предпочел уехать в Цинандали, а не в Аф-

было очень сложно, потому что в 1973 году занавес сгорел во время пожара в здании. С предложением восстановить занавес Кобуладзе я обратился к ученикам художника – Темо Гоцадзе, Радишу Тордия, Муразу Мурванидзе и Тамазу Хуцишвили. Но все категорически отказались, потому что сделать это вручную невозможно. Получился бы сценический задник, а такой уровень нас не устраивал. Сам Серго Кобуладзе был очень скрупулезным человеком, он в течение трех лет работал над эскизами занавеса, а потом в течение 11 месяцев собственноручно писал на холсте по своей, очень сложной, технологии. В общем, все отказались. Было очевидно, что занавес необходимо не рисовать, а печатать. И нам, с помощью тогдашнего художественного руководителя Тбилисского театра оперы и балета Давида Сакварелидзе, удалось найти германо-шведскую фирму в Потсдаме, которая готова была взяться за проект.

Размеры «зеркала» оперы – 11 м на 17 м. Фирма бралась напечатать занавес шириной 15 м, а в длину – сколько угодно. Но встал вопрос – с чего печатать? У нас не было никаких материалов. Только эскиз небольшого формата, сделать с которого электронную версию было невозможно. И тут Георгий Каландия, уникальный человек, директор Музея театра, музыки, кино и хореографии, в семье Татишвили, помощника создателя занавеса, нашел эскиз нового занавеса, который собирался делать Кобуладзе. На медиа факультете Академии художеств была создана специальная группа во главе с профессором Наной Иашвили, и студенты в течение трех месяцев сделали электронную версию. 23 ноября (а это праздник Святого Георгия и мой день рождения) мы – я, Нана Иашвили и тогдашний директор Оперного театра Алеко Моцонелидзе – приехали в Потсдам. Там нам показали напечатанные оттиски для будущего занавеса. А что такое оттиск? Это небольшой фрагмент большого целого. Что получится из

Верико Анджапаридзе в Доме актера им. А. Хорава

соединенных в общую картину оттисков, угадать нельзя. Мы, можно сказать, согласились вслепую, рискнули, но интуитивно, конечно, чувствовали: получится хорошо. Да и обратного хода не было. А когда представитель фирмы узнал, что у меня день рождения, то пригласил нас в ресторан, который находится под куполом Рейхстага, где мы и отметили и 23 ноября, и рождение занавеса.

– То есть вы «взяли Рейхстаг»?

– Да, я стал вторым мегрелом после Кантария, который поднялся на купол Рейхстага (смеется). А вскоре я встретил в тбилисском аэропорту упаковку с занавесом. Между прочим, на каждой упаковке было указано, сколько рабочих ее складывали, сколько времени на это потратили, что они ели и т.д. Немецкая точность! Георгий Каландия сделал фильм о том, как создавался занавес, и вы можете его посмотреть на ютубе.

– Когда в поле вашего внимания попало Театральное общество?

– В начале января ко мне пришел один из заместителей председателя, и мы поговорили о том, в каком состоянии пребывает Театральное общество. Понимаете, оттуда никогда не

было никакой инициативы. Ни одного проекта не было заявлено, ни одного! А в свое время Театральное общество Грузии было мощнейшей, очень богатой организацией. Я и сам там работал год-два. Да и вообще – вырос там. Ну а как иначе, если твои родители – Гоги Гегечкори и Натела Урушадзе? Театральное общество – это организация с великой историей. В 1945 году его возглавил Акакий Хорава. В разные годы им руководили Шалва Дадиани, Михаил Мрвлишвили, Додо Антадзе, Додо Алексидзе, Гига Лордкипанидзе. Последние годы его возглавлял Гоги Кавтарадзе. В 1955 году общество начало издавать журнал «Театральный вестник». В 1972 году открылся Дом актера имени Хорава. В 1974-м при Обществе был основан Театр «Дружба»...

Какие активы были в распоряжении Общества? Производство, которое сейчас остановлено, площадью 10 000 квадратных метров. Там изготавливали грим, парики, различные театральные аксессуары, канцелярские товары. Три магазина – на улице Леселидзе, на проспекте Плеханова, в подземном переходе на проспекте Руставели. А сейчас грим купить негде!

– Совершенно верно – Грибоедовскому театру, например, приходится закупать

Г. Гегечкори. П-т Вахтанга Горгасали

грим за рубежом.

– У Театрального общества было сильнейшее издательство, директором которого работал Котэ Абашидзе, художественный руководитель Кутаисского театра, сейчас он мой заместитель. Я спросил у него, каков был капитал издательства? Ответ: годовой оборот составлял 1 700 000 рублей. Представляете, какие это были деньги в то время? Издавались книги, журналы, газеты. В 1990 году в Телави закладывали фундамент пятиэтажного дома, который Общество строило для тамошнего театра. Общество владело домами отдыха в Абхазии (сейчас, увы, это оккупированная территория), Манглиси, Бобоквати. Был целый ряд активов, отнятых предыдущей властью.

– Какими будут ваши первые шаги на новом поприще?

– Видимо, надо сказать о том, в каком состоянии я принял Театральное общество, чтобы читателю был понятен тот объем работ, какой нам предстоит. Кто такой председатель Театрального общества? Это посредник между театральной общественностью и государством, между театральной об-

щественностью и другими сообществами, в том числе и финансовыми. Последний председатель Театрального общества был еще и депутатом. Представляете, какие у него были возможности? Но он сказал, что из-за депутатства у него не было времени заниматься делами Общества. Хотя по своему статусу он мог бы запросто вызвать к себе весь кабинет министров и восстановить Дом актера. Но ничего не было сделано. С 1992 года по сегодняшний день Дом актера целиком сдавался в аренду. Когда-то в зале Дома актера состоялась моя первая выставка. А сейчас в этом зале располагается социальная столовая. Сдавался в аренду кабинет председателя. А еще в здании располагались зал для поминок, телекомпания, частная типография, музыкальный ансамбль. Более того, на странице Общества в фейсбуке были опубликованы объявления о сдаче площадей в аренду! Тут же отмечу, что полностью отсутствовала информация о деятельности Общества – у него нет веб-страницы, оно не освещается в социальных сетях, не ведутся блоги. Отношения с арендаторами не оформлялись нормальными договорами, то есть не существует реальных юридических документов. Журнал, который издавало Общество, неприемлем. А ведь на 6 номеров журнала ежегодно выделялось 20 тысяч лари. То есть один номер журнала, который не приносил никаких доходов, обходился в три с лишним тысячи, а зарплата сотрудников при этом составляла 100-120 лари. Издательства больше не будет, оно не нужно и убыточно. А журнал будет – за те же деньги и прекрасного качества. Будет восстановлен знаменитый Театр «Дружба». Дом актера снова должен стать местом встреч. Мы восстановим сад, устроим там летнюю площадку и кинотеатр.

Вот о чем еще я хотел бы сказать. Совсем недавно вместе с Грибоедовским театром я был на гастролях в Санкт-Петербурге. Спектакль «АЛ-ЖИР» прошел с громадным

успехом. Театр принимали на высочайшем уровне. В этом заслуга Николая Свентицкого, его огромного авторитета. Именно он, директор Тбилисского русского театра, избран председателем правления Ассоциации деятелей русских театров зарубежья. А таких театров в мире более трехсот. Николай Николаевич озвучил прекрасную идею: восстановить дом-музей Владимира Немировича-Данченко в Шемокмеди, проводить там международный театральный фестиваль классической драматургии. А неподалеку как раз и расположено Бобоквати, где мы восстановим зону отдыха Театрального общества. Коттеджи там будут именными – имени Верико Анджапаридзе, Михаила Чиаурели, Георгия Товстоногова, Акакия Хорава... Вся атмосфера должна быть наполнена театральными легендами. Вы знаете, моя мама училась в Москве. И когда приехала поступать, привезла рекомендательное письмо от Акакия Хорава. Представьте себе, лекции остановились, все сбежались смотреть на письмо великого актера. И ее сразу зачислили на второй курс.

Я хочу подчеркнуть, что моя программа будет вывешена в Доме актера на самом видном месте, чтобы все могли видеть, как будет реализовываться каждый пункт. Я убежден: когда ты делаешь шаги – все тебя поддержат. Поддерживают только тех, кто совершает позитивное. Я не имею права отступать. Говоря откровенно, мне предложили помощь в назначении на должность председателя. Конечно, я отказался. Назначенный председатель никому не нужен. Я объездил всю Грузию, каждый театр. Мне поверили, заново вступили в Театральное общество, приехали на выборы со всей страны и проголосовали за меня. Я не имею права подвести этих людей.

Вы знаете, никто и представить не мог, что в 2018 году мы откроем обновленную Академию художеств. Так же мы вернем к жизни и Театральное общество Грузии.

Эльдар Шенгелая на юбилее журнала «Русский клуб»

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, МАСТЕР!

Хотите верьте, хотите – нет, но Эльдару Шенгелая исполнилось 85! Но цифры в данном случае не имеют значения, ведь кажется, что Шенгелая был, есть и будет всегда, ведь его фильмы – неотъемлемая часть жизни нескольких поколений не только Грузии, но и одной шестой части земли, бывшего СССР. Слезы и смех понятны без перевода, люди грустят и радуются одинаково, вне зависимости от возраста, национальности, вероисповедания. А фильмы Эльдара Шенгелая – это, говоря словами классика, и есть «видимый миру смех сквозь невидимые миру слезы». А иногда наоборот – видимые слезы сквозь невидимый смех.

Династия режиссеров Шенгелая давно и прочно в полном составе вошла в классическую историю кино. Их картины не только знают, но и любят, изучают, пересматривают. Идут годы, сменяются правительства и кумиры, а шедевры Шенгелая остаются современными для каждого поколения. Недавно молодые грузинские критики составляли списки лучших отечественных картин. На первое место вышел фильм «Элисо»

Николая Шенгелая. На третьем оказались «Голубые горы» Эльдара Шенгелая. Пятое-шестое места заняли фильмы «Пирсомани» Георгия Шенгелая и «Необыкновенная выставка», снятая Эльдаром Николаевичем.

Что очаровывает зрителя в этих картинах? Легкое дыхание. Ощущение радости и трагичности жизни. А еще – светлая надежда, даже в самые ужасные минуты не покидающая человека. Если угодно, тот самый свет в конце тоннеля, который вспыхивает особенно ярко, когда нам особенно тяжело.

Каков он, Эльдар Шенгелая, в жизни? Для тех, кто не имеет счастья личного знакомства с мастером, скажем со всей откровенностью: вежлив, ироничен, прост в общении, хотя и не очень улыбчив. Он чудный рассказчик, и любая история, рассказанная им, – это готовый сценарий для короткометражки – хоть тут же бери камеру и начинай снимать. В разговоре Эльдар Николаевич сразу же обозначает ту грань, которую собеседник никогда и не помыслит перейти. Можно даже сказать, что он несколько отстранен и дистанцирован. Но случаются ситуации, когда Шенгелая сам

рушит все препоны и преграды, все дистанции и расстояния. И происходит это тогда, когда к нему обращаются за поддержкой. Даже вообразить невозможно, что Эльдар Николаевич может отказать в просьбе о помощи. Сколько раз он становился рядом с нами в наших начинаниях, чтобы поддержать своим участием, авторитетом, именем, невзирая на занятость, а иногда и на нездоровье... Он – постоянный зритель, а нередко и непосредственный участник проектов «Русского клуба» и Грибоедовского театра.

Совсем недавно Эльдар Николаевич моментально принял наше приглашение открыть в театре имени Грибоедова вечер, посвященный 90-летию его друга – кинорежиссера Эльдара Рязанова. И сделал это безупречно, по-шенгелаяевски. Ему удалось подобрать такие слова, что весь зал словно слился в едином чувстве горечи от потери и радости от того, что такой творец, такой человек, как Рязанов, жил среди нас, что мы были его современниками.

Конечно, этот вечер мог бы состояться и без Шенгелая, но он не был бы таким щемлящим и светлым. Так и наше кино – оно было бы совсем другим без его картин.

Как-то раз, отвечая на вопрос, как ему удастся о горьких и тяжелых вещах говорить с легкостью, кинорежиссер ответил: «У Хемингуэя есть знаменитое высказывание о блестящей вершине айсберга и той его части, которая скрыта под водой. То есть о простом сюжете и сложном подтексте. В искусстве, если делаешь фильм, который всего лишь блестит и только, ты ничего не достигнешь. Завтра про такой фильм все забудут. А если сделаешь произведение, в котором есть и блестящая часть, и глубинная, оно останется навсегда. Таково кино Тенгиза Абуладзе, Ланы Гогоберидзе, Отара Иоселиани, Георгия Шенгелая, Резо Эсадзе, Саши Рехвиашвили, Тамаза Мелиава, многих других. Эти фильмы смотрят по сей день. Кино на все времена».

Остается добавить, что кино Эльдара Шенгелая – это кино на все времена.

Санкт-Петербургский НИИ скорой помощи имени Юстина Джанелидзе

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Он – единственный грузин, имя которого носит сегодня крупный медицинский центр России, и один из немногих, с кем Сталин прилюдно говорил на родном языке. Он прошел путь от врача военно-полевого госпиталя Первой мировой войны до главного хирурга Военно-Морского Флота СССР и председателя правления Все-союзного общества хирургов, то есть главы советской хирургии. Он первым в мире успешно зашил рану восходящей аорты и не успел получить присужденную ему Сталинскую премию первой степени, потому что сердце не выдержало обвинений в «преклонении перед Западом». Имя этого уроженца грузинского города Самтредиа пишут по-разному – Иустин или Юстин, а вот фамилия – одна из самых громких в мировой ме-

дицине: Джанелидзе.

Имеретинский крестьянин Ивлиан (Юлиан) Джанелидзе сделал все возможное, чтобы его сын поступил в Кутаисскую классическую гимназию. Происходит это не сразу, так что Юстин получает аттестат зрелости лишь в 20 лет. Но тут же превосходит все ожидания отца – отправляется в Харьков и становится студентом медицинского факультета тамошнего университета, одного из старейших в Восточной Европе. Однако учится в нем лишь два года – в 1905-м вся Российская империя бурлит, революционные настроения не обходят и молодого грузина. А со студентами-вольнодумцами разговор тогда был краток: отчисление. Но интерес к медицине берет верх над политикой, а особенность тогдашних реалий в том,

что даже при скромных деньгах крестьянский сын может позволить себе обучение за границей. И Юстин на четыре года отправляется в... Женеву.

В 1909-м, защитив диссертацию о сложных опухолях-тератомах, он возвращается в Россию. И, доказывая что не зря провел время на чужбине, сдает сложные экзамены. Сначала – государственные в Московском университете, с отличием получив звание лекаря. Потом – в Военно-медицинской академии в Петербурге, на степень доктора медицины. Так за восемь лет он проходит путь от гимназической скамьи до диплома доктора наук. Затем – кафедра госпитальной хирургии Петербургского женского медицинского института, то есть огромная практическая работа. И молодой врач ре-

Юстин Джанелидзе

шает посвятить себя хирургии сердца, крупных сосудов и органов брюшной полости.

В первый же год работы он делает сложную операцию раненному в сердце и через пару лет представляет выздоровевшего пациента авторитетнейшей аудитории на 12-м съезде Пироговского общества. В том же 1913 году – первая печатная работа в журнале «Русский врач», и первое во всем мире (!) успешное зашивание раны восходящей аорты. Статья об этой уникальной операции появляется в 1915-м, когда ее автор уже носит военную форму – идет Первая мировая война. Джанелидзе проходит ее от первого до последнего года, вернее, проезжает. Вначале он – младший, а потом – старший врач полевого военно-санитарного поезда, такого, какой можно увидеть в фильмах «Офицеры», «На всю оставшуюся жизнь», «В огне брода нет», «Поезд милосердия»... Четыре года борьбы за человеческие жизни под перестук колес становятся огромной

школой для молодого хирурга. Раны, которые ему приходится лечить, заставляют заняться и пластической хирургией. Причем не только кожи, но и остальных тканей. Вернувшись с фронта в 1918-м, он приходит на кафедру общей хирургии Петроградского медицинского института, а через три года уже возглавляет ее.

Именно 1920-е годы приносят ему авторитет в медицине. И в практике, и в науке. Он публикует работу о новом, лучше приживляющемся методе пересадки кожи. На 17-м съезде российских хирургов делает доклад о заживлении язв, исходя из собственного опыта. По конкурсу избирается заведующим кафедрой госпитальной хирургии Ленинградского мединститута. Занявшись пластикой лица, публикует статью, обобщающую 180 операций в этой области медицины. Предлагает новую технику шва при переломах надколенной чашки и свой, особенно эффективный метод вправления вывиха в тазобедренном суставе, во всем мире ставший известным как способ Джанелидзе. А из специальной литературы мы узнаем, что, «располагая весьма большим для того времени числом лично произведенных операций по поводу ранений сердца и подведя итоги 535 имеющихся в отечественной

и зарубежной литературе наблюдений за первые 25 лет (1896-1921) оперативного лечения ран сердца, Джанелидзе публикует монографию «Раны сердца и их хирургическое лечение».

В общем, на что только не распространяются его опыт и знания! А в 1934 году имя Юстина Ивлиановича оказывается связанным с первыми часами после убийства одного из руководителей Советского Союза Сергея Кирова, возглавлявшего Ленинградский обком партии. Прочтем несколько документов:

Срочное сообщение ленинградских чекистов народному комиссару внутренних дел: «Наркомвнудел СССР – тов. Ягода. 1 декабря в 16 часов 30 минут в здании Смольного на 3-м этаже в 20 шагах от кабинета тов. Кирова произведен выстрел в голову тов. Кирову... Тов. Киров находится в кабинете. При нем находятся профессора-хирурги Добротворский, Феертах, Джанелидзе и другие врачи»... Воспоминания врача санчасти Смольного дворца Марии Гальпериной: «Подшел крупнейший хирург страны профессор Джанелидзе, он спросил меня: «Кто первый видел Кирова после выстрела?» – «Я». – «Он был еще жив?» – «Нет, – ответила я, – он погиб сразу же». – «Так почему вы

В таком санитарном поезде Джанелидзе провёл Первую мировую войну

И. Сталин у гроба С. Кирова

до сих пор делаете искусственное дыхание?» — «Потому что хочу его спасти». — «Не спасете уже, — с горечью отвечал профессор. — Все... Перед смертью мы бессильны»... Из акта медицинского заключения о смерти Кирова: «В 5 ч. 40 мин. прибыл профессор Джанелидзе. Он застал тов. Кирова, когда ему производилось искусственное дыхание. При исследовании констатировал: пульса и дыхания нет, тоны сердца не выслушиваются. Положение признано совершенно безнадежным».

Итак, Киров умер сразу, но врачи, от страха и отчаяния, делали ему искусственное дыхание, пока не появился Джанелидзе, приказавший составить акт о смерти и поставивший под ним свою подпись. В это время второй секретарь обкома Михаил Чудов в панике звонит Сталину. У того совещание, он не берет трубку, но когда ему сообщают о случившемся, перезванивает сам. Узнав, что в тот момент врачи составляют заключение, и что среди них — его земляк, приказывает передать ему трубку. Джанелидзе начинает разговор по-русски, но вождь настаивает, чтобы он перешел на грузинский. Причем Сталина интересуют не только медицинские подробности, хирург озадаченно отвечает на вопросы и о том, какая одежда на задержанном убийце Кирова — советского или иностранного пошива. Впрочем, этим же интересуется у своих ленинградских подчиненных и главный чекист Ягода. Сталин возложил на себя расследование убийства ближайшего соратника, и ему надо знать, не ведет ли след за рубеж.

Потом — страшная вторая половина 1930-х. К счастью, Джанелидзе избегает участи коллег, стоявших с ним у тела Кирова — врачи Василий Добротворский и Давид Боген были расстреляны. Юстин Ивлианович же смог продолжить работу, хотя на 23-м Всесоюзном съезде хирургов резко раскритиковал отечественную медицину

за низкий уровень хирургической помощи тем, у кого были ранены сухожилия кисти. В то время большинство советских хирургов считало, что сухожильный шов относится к малой хирургии и не требует особой техники и навыков. Методы же, предложенные Джанелидзе, помогли уменьшить количество инвалидов среди людей с поврежденными сухожилиями. А на различных конференциях он делает еще и очень важные доклады о лечении аппендицита и заболеваний брюшной полости.

Ему есть, чем поделиться. Он — уже председатель совета неотложной хирургии Ленинграда, научный руководитель Ленинградского института скорой помощи, где, по его инициативе, внедряются важные новшества. Первое: вводятся утренние конференции, и вскоре эту практику перенимают все клиники и больницы страны. Второе: впервые в медицинском учреждении такого профиля открывается специальное отделение для обожженных. Вместе с Московским НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского этот институт становится центром организации и развития службы скорой помощи всего Советского Союза. Делится Юстин Ивлианович опытом и с зарубежными коллегами, к которым приезжает во главе научных организаций. В каких только странах он не побывал на международных съездах хирургов, даже в экзотическом Египте!

А в 1939-м Джанелидзе вновь надевает военную форму — его назначают главным хирургом Военно-Морского Флота (ВМФ) СССР и дают воинское звание дивизионного врача (генерал-лейтенанта медицинской службы). Он очень много делает для организации лечения бойцов раненых и заболевших бойцов на советско-финской войне. Что, конечно, не мешает ему продолжить исследования и на «гражданке». Через пару лет в журнале «Новый хирургический архив» появляется работа «Тысяча случаев оперативного лечения ран сердца», написанная им вместе с

Ленинград. Машина скорой помощи

Конференция в НИИ скорой помощи. Четвертый слева - Ю. Джанелидзе. 1938

профессором Г. Каменчиком. В ней проанализированы результаты клинических наблюдений многих коллег, в том числе и десяти операций, сделанных им самим. А с началом войны поле его деятельности – не только все, что связано с флотом. Он нужен и в ставшем ему родным Институте скорой помощи, где, говоря научным языком, меняется профиль поступающих больных: это, в основном, пострадавшие от огнестрельных ранений и ожогов. В блокадном Ленинграде он остается до декабря 1941 года, пока не была эвакуирована Военно-морская медицинская академия.

В начале Великой Отечественной войны Джанелидзе приложил много усилий для организации высококвалифицированной медицинской помощи раненым бойцам на базе многочисленных медицинских учреждений Ленинграда. Оставался в блокадном городе до декабря 1941 года, только тогда его эвакуировали в Киров, где находилась Военно-морская медицинская академия. В 1942-1945 годах работал начальником клиники Военно-Морского флота, начальником кафедры госпитальной хирургии Военно-морской медицинской академии (1943-1946). Подготовил сотни врачей для фронтовых и тыловых госпиталей, много занимался обобщением и распространением передового опыта военной хирургии, за годы войны лично выполнил тысячи наиболее сложных операций. Многократно выезжал на фронт для оказания практической помощи военным хирургам.

На его плечах – организация лечения и эвакуации моряков, консультации по проведению сложнейших операций в госпиталях и, конечно, практическая деятельность. Во время войны, она, увы, очень обширна. Особенно во время блокады Ленинграда. И Джанелидзе широко использует боевой опыт хирургической работы и лечения ожогов. «Корабельный врач – он особый, высококвалифицированный. Потому что на корабле ему не у кого учиться, и никто не даст мудрого совета. Корабельный врач принимает только

единственное и правильное решение». Эти слова Юстина Ивлиановича стали своеобразным кодексом морских медиков. Но военный флот – не только Балтика, и генерал-лейтенанта Джанелидзе переводят в Москву. Оттуда – командировки на фронты для помощи военным хирургам. А в октябре 1942 года, по личному приказу Сталина, главный хирург ВМФ спешно прерывает инспектирование Северного флота и вылетает в родную Грузию. Однако времени для сентиментальных воспоминаний там мало – в Тбилиси надо спасти жизнь одного из лучших флотоводцев страны.

Дело в том, что по дороге в Туапсе, на Гойтхском перевале, бомба попадает в машину, в ко-

Ю. Джанелидзе (сидит справа) во главе делегации советских медиков в Вене. 1934

торой едет заместитель главкома Военно-Морского Флота адмирал Иван Исаков, недавно назначенный еще и заместителем командующего, членом Военного совета Закавказского фронта. С тяжелейшим ранением бедра, то и дело теряющего сознание, его доставляют в Сочи, а затем, через Сухуми – в Тбилиси. Увидев рану адмирала, Джанелидзе, хорошо знающий его по блокадному Ленинграду, откровенно говорит, что спешно нужна операция, но ногу спасти не удастся – началась гангрена. В ответ он слышит, что главное – спасти голову. После сложнейшей операции Исаков лечится еще три месяца и отправляется в Москву, в Штаб ВМФ. А Джанелидзе проводит еще более тысячи операций, в том числе – свою сотую на огнестрельной ране легкого, лично готовит сотни врачей для фронтовых и тыловых госпиталей, лечит переживших блокаду ленинградцев и их защитников.

Адмирал И. Исаков

Особенно знаменательным для него становится 1943 год. На берега Невы возвращается Военно-морская медицинская академия, и Джанелидзе – единственный и бесспорный кандидат на должность начальника кафедры госпитальной хирургии. Основываясь на военной практике, он делает в Пироговском обществе доклад, резко перевернувший взгляды советских хирургов. Изданную на основе этого доклада монографию «Бронхиальные свищи огнестрельного происхождения» специалисты единодушно признают венцом научного творчества Юстина Ивлиановича. А опыт, приобретенный на операциях других сложных ранений, позволяет ему предложить несколько основанных на пластике новшеств в восстановительной хирургии – костнопластическую ампутацию бедра, операции по восстановлению ладони и большого пальца, по пересадке сухожилий кисти.

В том же году на 3-м пленуме Ученого медицинского совета при Медико-санитарном управлении ВМФ СССР Джанелидзе представляет свое изобретение – сосудистый компрессор, позволяющий перевязывать крупные артерии у раненых, избегая послеоперационных осложнений – параличей и гангренов. Виднейшие ученые страны единогласно одобряют этот аппарат, его начинают использовать в различных клиниках. Во всеобщую практику входят и предложенные хирургом-новатором оригинальные методы лечения вывихов и переломов. Кстати, именно Джанелидзе, уже после войны,

предложил выделить анестезиологию в отдельную специальность.

В мирное время высококлассный специалист во всех разделах хирургии доказывает, что его «конек» все-таки хирургия неотложная. Почти четверть века возглавляет он кафедру госпитальной хирургии Ленинградского медицинского института (ныне – Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова) и одним из первых в стране создает там травматологическое отделение. Он убежден: лечением поврежденных рук и ног должен владеть каждый уважающий себя хирург, и к этому необходимо особо готовить студентов. Свой девиз: «В сомнении – госпитализируй, и чем раньше – тем лучше!» он делает основным в обучении будущих врачей. А уж как он обучал, свидетельствует один из его коллег: «Джанелидзе был талантливым педагогом – педагогом по призванию. Он любил заниматься с молодежью, с увлечением отдаваясь этому делу в течение всей своей жизни. Большое педагогическое и методическое мастерство, глубокое понимание учебного процесса, четкость и ясность формулировок, высокая эрудиция талантливого клинициста делали его лекции и разборы больных блестящими как по форме, так и по содержанию».

А теперь слово – выдающемуся человеку, весьма далекому от медицины, но все равно побывавшему на лекциях Юстина Ивлиановича, которого она назвал «замечательным ленинградским хирургом». Это ... Аркадий Райкин:

«Джанелидзе, преподававший в Военно-медицинской академии, нередко читал лекции непосредственно в клинике. И, надо сказать, они пользовались таким успехом, что на них стремились попасть почти все ходячие больные. Он этому не препятствовал. Прекрасный рассказчик, эрудит, он считал необходимым передавать студентам не

Ю. Джанелидзе - третий справа во втором ряду

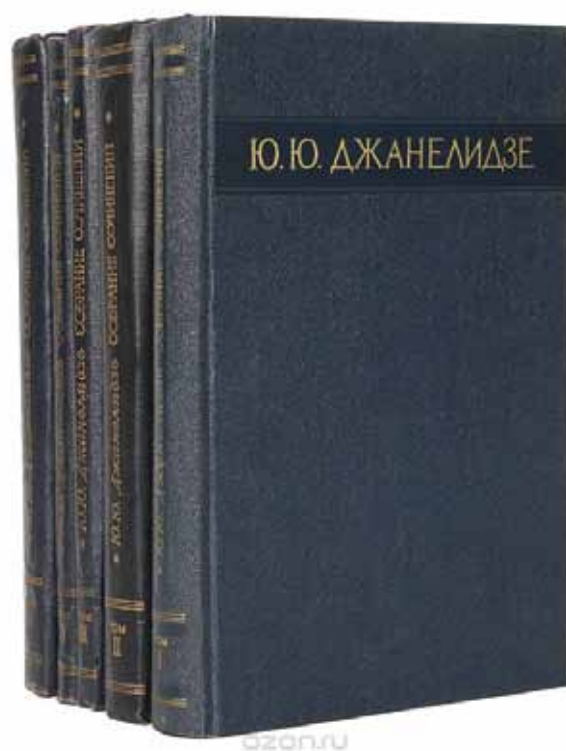
Юбилейная медаль Ленинградского НИИ скорой помощи

только сугубо медицинские, но и, если так можно выразиться, человековедческие знания. Помню его блистательную лекцию, посвященную ранению и смерти Пушкина. Он говорил как истинный знаток истории литературы, как тонкий психолог. И в то же время это была лекция именно врача. Подробно описав, каким образом доктора пытались спасти поэта, он задал студентам вопрос, что бы они стали делать, оказавшись на их месте, но располагая возможностями современной медицины. Из той лекции-дискуссии можно было сделать вывод, что современная медицина могла бы сохранить Пушкину жизнь. Но говоря об антибиотиках, хирургических лазерах и надежных способах пересадки органов, Джанелидзе подчеркивал, что научный прогресс не самоцель, а всего лишь средство достижения цели. И что носителям научного прогресса надлежит сознавать врачевание как идею нравственную, гуманистическую».

Вот с какой неожиданной стороны раскрывается этот хирург. Воистину, талантливый человек талантлив во всем! Но, конечно же, интересно послушать и медиков-профессионалов. Известный врач, писатель и популяризатор медицинских знаний Лев Фридланд: «В конце 1948 года на научную конференцию Пироговского общества хирургов в Ленинграде перед началом заседания пришла молодая девушка. Она легко поднялась на второй этаж, также легко прошла ряд комнат и нашла председателя Общества. Через несколько минут конференция открылась большим докладом. Докладчик – профессор Ю. Джанелидзе – подробно рассказал участникам заседания, как он произвел операцию на панцирном сердце. (Это – заболевание, когда перикард, мешок в который заключено сердце, превращается в сдавливающий панцирь – В.Г.). Потом поднялась на кафедру и стала рядом

с хирургом молодая девушка. Члены Общества с чувством восхищения смотрели и на эту цветущую, с энергичными движениями девушку, на левой стороне грудной клетки которой виднелся шрам полукруглой формы, и на хирурга. Шрам – это было все, что осталось от смертоносного панцирного объятия, в которое было заключено сердце».

Воспоминания других коллег: «Сапожник, оперированный Джанелидзе, продолжал заниматься своим ремеслом и жил, как и до ранения»... «Джанелидзе сделал одному раненому кардиоррафию (ушивание сердца – В.Г.). После этого оперированный поправился, выписался, стал заниматься свои-

В ЭТОМ ЗДАНИИ
С 1911 ПО 1950 ГОД
РАБОТАЛ ВЫДАЮЩИЙСЯ
СОВЕТСКИЙ УЧЕНЫЙ
ХИРУРГ
ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ТРУДА
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН
АМН СССР
ПРОФЕССОР
ЮСТИН ЮЛИАНОВИЧ
ДЖАНЕЛИДЗЕ

**Мемориальная доска на здании
Санкт-Петербургского медицинского
университета**

ми делами. Уже после операции он болел цингой, затем сыпным и возвратным тифами, воспалением легких, плевритом. Сверх всего этого он еще получил тяжелую форму гриппа. Все это на протяжении двенадцати лет. И его зашитое сердце все вынесло».

К титулам и должностям Юстина Ивлиановича, о которых вы уже прочли, можно добавить еще немало. Но обойти это перечисление нельзя: за ним – большая жизнь и огромный труд талантливого человека, спасшего тысячи людей. Итак, Джанелидзе несколько раз избирался председателем Хирургического общества имени Н.И. Пирогова, входил в редакционные советы журналов «Хирургия» и «Новый хирургический архив», четыре года возглавлял «Вестник хирургии». Был редактором раздела «Военно-полевая хирургия» в Энциклопедическом словаре военной медицины, членом редколлегии и автором нескольких глав многотомного труда «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Он носил звание Героя Социалистического Труда, был председателем правления Все-

союзной ассоциации и членом Международного общества хирургов, действительным членом Академии медицинских наук СССР и Французской академии наук.

Но, при всем этом, он жил в эпоху, когда никакие заслуги не могли защитить человека от обвинения в том, что ему чужд существующий строй. И Юстин Ивлианович «спотыкается» на поездке в США, где он побывал с научным докладом. Ну и, конечно, познакомился с достижениями заокеанских коллег. Он возвращается, как пишет известный хирург и общественный деятель Федор Углов, «полный впечатлений от прогресса мирной хирургии, которого добились американские хирурги в послевоенные годы». И вот, что вспоминала Зинаида Оглоблина, ученица Джанелидзе: «Он выражал свой восторг, забывая порой оттенить те благоприятные условия, которые хирурги США имели в годы войны. И на одном из заседаний, где Юстин Юлианович делился своими впечатлениями, вдруг поднялся молодой подполковник медслужбы С. и во всеуслышание обвинил Джанелидзе «в преклонении перед Западом». Не сделавший для хирургии и тысячной доли того, что сделал известный профессор, он резко, в патетической форме поучал Юстина Юлиановича «с должным уважением относиться к нашим выдающимся достижениям», «не позорить безответственными заявлениями форму, которую мы носим» и т. п.».

Это подкосило Юстина Ивлиановича. Скорее всего, он не столько ждет репрессий, сколько было обидно, что ему прилюдно бросают такие обвинения. А может, и то, и другое... Его не стало в 1950-м, в год, когда ему была присуждена Сталинская премия первой степени. И это – не единственное посмертное признание заслуг. В том же роковом году имя Джанелидзе присваивается НИИ скорой помощи, в котором он работал, в 1-м Ленинградском мединституте учреждают-

ся две стипендии его имени, а в клинике госпитальной хирургии этого вуза устанавливаются его бюст и памятная доска на здании. В 1953-1959 годах АМН СССР издает пятитомное собрание его сочинений.

Доктор Джанелидзе лежит далеко от родной земли, на Центральной площадке «Литераторских мостков» Волковского православного кладбища в Санкт-Петербурге. Города, в котором он провел большую часть своей жизни. Над его могилой – памятник работы известного скульптора Игоря Крестовского. Хирурги продолжают цитировать его труды, использовать его разработки. А мы можем напомнить

Памятник на могиле Ю. Джанелидзе

иным докторам такую цитату из его лекций: «Влияние врача на больного основано на доверии к нему, а это врач должен заслужить своими знаниями и поведением». Юстином Джанелидзе это доказано на деле.

Сцена из спектакля «А.Л.Ж.И.Р.»

ПРИЗ ИМЕНИ ВЕРИКО АНДЖАПАРИДЗЕ – ГРИБОЕДОВЦАМ!

Документальная драма «А.Л.Ж.И.Р.», посвященная узницам печально известного Акмолинского лагеря жен изменников родины и поставленная режиссером Авто Варсимашвили на сцене Тбилисского государственного русского драматического театра имени А.С. Грибоедова, получила престижную награду – приз имени великой грузинской актрисы, Народной артистки СССР Верико Анджапаридзе. Такой же чести удостоились все семь замечательных актрис, занятых в спектакле: заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мгебришвили, Инна Воробьева, Наталья Воронюк, Нино Кикачеишвили, Мариам Кития, София Ломджария и Анна Николава. Им были вручены дипломы и нагрудные знаки с изображением Верико.

Решение о награждении было принято творческим союзом – президиумом Театрального общества Грузии, возглавляемого Гиорги Гегечкори.

Приз имени Верико Анджапаридзе был учрежден в связи со 120-летним юбилеем актрисы, который отмечался в прошлом году. Знаменательно, что театр имени Грибоедова стал обладателем еще одной бесценной награды – гримировальных принадлежностей Верико. Они были обнаружены в архиве актрисы и, судя по оставленной ею записке, предназначались для передачи в музей театра Грибоедова. Теперь вещи Верико станут украшением его коллекции.

Награждение состоялось в Доме актера имени Акакия Хорава, в День грузинского театра, который отмечается 14 января. Тогда же были отмечены и другие грибоедовцы – старейшинам театра, заведующей реквизиторским цехом Асмаат Ашкарелашвили и заведующему монтажно-модельным цехом Нодару Ашкарелашвили, были вручены дипломы «За служение театру».

Соб. инф.

Личные вещи В. Анджапаридзе, переданные в музей Грибоедовского театра

Приз им. В. Анджапаридзе

Белла Ахмадулина

«ПРИЛИВ НЕЗАТЕЙЛИВЫХ ИСТИН...»

■ Евгения ПОЛТОРАЦКАЯ

Музыкально-поэтический вечер «Белла Ахмадулина. Сны о Грузии», отмеченный изысканной печалью, подарил тбилисцам Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб». Он был посвящен восьмидесятилетнему юбилею выдающейся поэтессы. С Грузией Беллу Ахмадулину связывали прочные духовные нити.

Вечере приняли участие московские и тбилисские артисты. Украшением вечера, его душой стала Народная артистка России Чулпан Хаматова, очень бережно, «полувоздуш-

но» коснувшаяся ахмадулинской поэзии, передавшая ее чистоту и магию. Но при этом сохранившая тайну. Поэтическую канву вечера вместе с актрисой сплетали и актеры Грибоедовского театра – Арчил Бараташвили, Олег Мчедlishvili, Мераб Кусикашвили и Михаил Гавашели, тонко, профессионально внося свою лепту в посвящение Белле Ахмадулиной. Затаив дыхание, зрители внимали высокой поэзии, освещенной любовью актеров. Атмосфера тепла и дружелюбия царила в этот вечер в стенах Грибоедовского театра.

Ее создавала и музыка Микаэла Таривердиева, Эдварда Грига и Леонида Десятникова в исполнении потрясающего пианиста заслуженного артиста России Алексея Гориболя – она буквально пронизывала вечер.

Был использован изумительный видеоряд – фото- и акварельные портреты божественной Беллы, а в финале прозвучал ее неповторимый, до боли знакомый голос – Ахмадулина прочитала «Стихотворения чудный театр...». Завершил вечер дождь из красных гвоздик... К сожалению, в Тбилиси не смог приехать художник, сценограф Борис Мессерер, супруг Беллы. Но он обратился к зрителям с экрана...

За два часа до вечера состоялся разговор с Чулпан Хаматовой.

Актер должен уметь все!

– Чулпан, это не первый ваш приезд в Грузию. Несколько лет назад вы принимали участие в Тбилисском международном театральном фестивале, в рамках которого был представлен спектакль Театра наций «Рассказы Шукшина» в постановке Арвиса Херманиса. И показали, без преувеличения, чудеса перевоплощения! Хотя многие сегодня отмечают, что истинное актерское перевоплощение в современном театре уходит на второй план. Разнообразные театральные технологии и слишком активная режиссура вытеснили артиста на периферию сценического пространства. Согласны ли вы с этой точкой зрения?

– В направленческом смысле – я согласна. Но это происходит уже давно: тенденция существует около ста лет. Из-за потребности зрителей в новом режиссерском языке и многообразных технических возможностей театра актер из главного действующего лица действительно становится кем-то менее значимым – это правда.

Но, с другой стороны, появляются такие режиссеры, как Арвис Херманис. Очень много работавший в театре, и в опере в том числе, где новые технологии тоже имеют огромное значение. Тем не менее Арвису всегда интересна личность актера, человек сам по себе, он хочет представить его с разных точек зрения или показать разных людей. Поэтому пока существуют режиссеры, которые верят в актера, – а они будут существовать, я уверена, хотя их будет, как всегда, немного, – это никуда не уйдет. Школа во всем мире – это школа! Будь то система Константина Станиславского, Михаила Чехова, так называемая школа Всеволода Мейерхольда, Питера Брука... При грамотном впитывании всей информации, которую дает современное пространство, огромный накопленный театральный опыт, мы не можем им не пользоваться. Все равно будет много возможностей. Где-то ты существуешь в форме интонации, голоса художника, режиссера, трансляции его личности, его болевых моментов, соединяя это со своей личностью. И не нужно ничем прикрываться, не надо никакого грима, изменения образа. А где-то предполагается другое высказывание, и можно существовать отстраненно, театрально, характерно. Актер должен быть мультидисциплинарным! Если мы говорим про артиста будущего. Артиста, который умеет все и может встраиваться в современную режиссуру. Бесхитростную, может быть. Я имею в виду краски актерского перевоплощения и способность тут же встраиваться в мюзикл, в оперетту, в танцевальный жанр, в характерные роли. Вот за таким артистом – будущее.

– То есть актер будущего – синтетический?

– Выхода другого нет. Этого требует международный, мировой театральный опыт, который, к счастью, сейчас досту-

пен всем. Захоти и учись. Либо в интернете. Либо используя возможности мастер-классов любой техники – от кабуки до Ежи Гротовского, Анатолия Васильева – что тебе нравится, отбирай... А существование в жанре только обслуживания чьих-то помыслов – это, безусловно, убьет профессию. Словом, на мой взгляд, актер будущего должен уметь все!

– Так что отпадает извечный вопрос, кто в театре важнее – актер или режиссер, не так ли? Сегодня ставить проблему таким образом, наверное, нельзя?

– В каждом спектакле это по-разному проявляется. Иногда настолько слабый режиссер и настолько сильный актер, что он своей личностью перебивает режиссуру или вытаскивает ее на какой-то новый уровень. Есть спектакли, где слабый актер, но при этом видна рука сильного режиссера. Конечно, счастье, когда свой личностный багаж постановщик доверяет личностному багажу артиста. А личностный багаж последнего полностью растворяется в личностном объеме режиссера. Вот тогда происходит чудо.

– В «Рассказах Шукшина» это чудо произошло.

– Не знаю, как насчет актерского багажа, но то, что у меня и Жени Миронова было абсолютное доверие к чутью, опыту, масштабу личности Арвиса Херманиса, – безусловно. Репетиции шли в каком-то определенном направлении, а потом стало ясно, что режиссер прав, мы поняли – ага, вот куда он все это ведет! Но мы не смели никогда останавливать репетиции и спрашивать. Потому что уровень доверия к Херманису был невероятный.

– Часто спектакли-долгожители со временем разбалтываются. Но «Рассказы Шукшина», по всей видимости, – исключение. Тут только обретения, а не потери.

– Мне кажется, это где-то там, с небес отмеченная история. Потому что такую радость испытывать девять лет – спектакль поставлен в 2008 году – это почти невероятно! Но когда ты встречаешься с коллегами и вновь прикасаешься к материалу... происходит чудо. Хотя все было изначально. Это Василий Шукшин, который лечит. Буквально лечит в этих буднях! И ты вновь ныряешь в его простоту, искренность и тепло. И это режиссер. И, конечно, это команда. Вся команда, которая работает на спектакле «Рассказы Шукшина». Это и мой партнер Женя Миронов, это и наши поездки на родину Шукшина – в Сростки, это и люди настоящие, которые нам дали очень много неожиданных, неизведанных знаний. Мы каждый раз удивляемся. Как же так? Так долго идет спектакль! Все должно было уже надо-

Участники вечера «Белла Ахмадулина. Сны о Грузии»

есть и стать формальным. И тем не менее каждый раз играем «Рассказы...» как впервые. Это здорово!

Ценить каждое мгновение

– Вы произнесли слово «лечит» в применении к творчеству Василия Шукшина. Да, искусство действительно лечит – и артистов, и нас, зрителей, сидящих в зале. Оно лечит душу и в этом смысле выполняет какую-то миссию, как бы громко это ни звучало. Существует ли тут какая-то закономерность? То, что вы делаете в духовном смысле в театре, на практике потом осуществляется в вашем благотворительном фонде «Подари жизнь», который спасает детей? В этом – космический объем: исцеление души и исцеление тела.

– Я не могу апеллировать такими громкими словами, у меня все очень прикладно. Тут важно осознать смысл популярности в актерской профессии. В какой-то момент, наверное, каждый молодой артист стремится выйти на те орбиты, когда узнают на

улицах, когда красные дорожки, цветы, роскошь... Но если в твоей голове есть хоть какие-то две извилины, то однажды ты задаешься вопросом: и что дальше? В этом и есть, собственно, весь смысл славы и популярности? В невозможности жить своей личной жизнью, постоянной доступности, сплетнях, за которые ты, естественно, платишь возрастающим объемом славы, но... все это страшно и отвратительно. Однако в какой-то момент ты понимаешь, что это «страшно и отвратительно» можно перевернуть и сделать очень полезные вещи. Славу можно просто использовать. Цинично, конкретно использовать, если уж она мне дана. Я не могу с ней жить, она мне противна эта популярность, но она мне может помочь осуществить хорошее дело. А в моем случае просто-напросто спасать людей! Это во-первых. Во-вторых, я артист. А артист не может быть неземпатичным. Он не может не сочувствовать. Сначала своим персонажам, времени, а дальше – человеку, когда ты видишь конкретные судьбы конкретных людей! У актеров просто такая

природа: они соперничают. Писатели, музыканты, художники и т.д. не могут не включаться душой – не получается. Словом, есть люди нормальные и есть люди с артистическим восприятием. И вот все в моем случае слилось и шаг за шагом стало работать. И сработало в итоге так, что на сегодняшний день у нас сложилась прекрасная команда, и мы оказали помощь более 40 тысячам детей. Это большая цифра для такого заболевания, как рак.

– Но ведь эта работа отбирает у вас много сил, времени, нервов, которые вы могли бы с успехом отдать творчеству.

– Я не могу так сказать. Безусловно, отбирает силы. Но у меня очень творческая работа и в фонде тоже. Потому что придумать все эти механизмы, создать их, воплотить, преодолеть все проблемные моменты. Во-первых, это колоссальный жизненный опыт. Во-вторых, переосмысление самого течения, вообще смысла жизни, смысла счастья. Это умение приобретенное... Не знаю, было бы оно у меня, если бы я не столкнулась

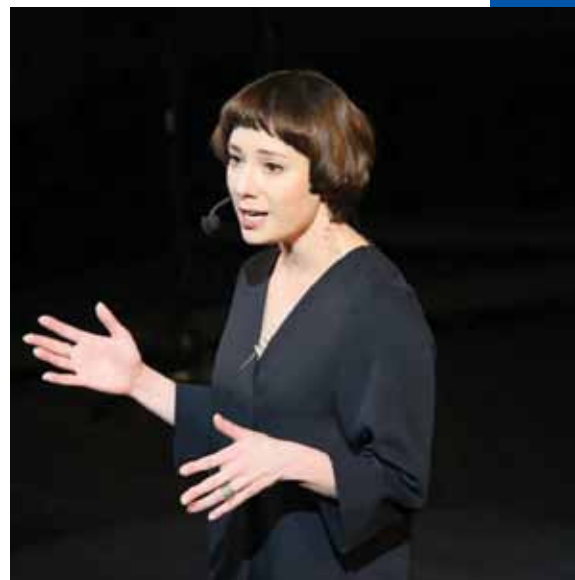
с этими человеческими трагедиями. С детьми и семьями, которые вовлечены в трагедии, с людьми, которые пытаются эту трагедию превратить в пульсирующую жизнь, чтобы трагедия перестала быть трагедией, – с врачами, волонтерами, донорами крови, благотворителями. Это приобретенное знание: жизнь есть миг. Я с рождения слышала эти слова, но никогда их не чувствовала. Где-то к 30-35 годам я стала понимать, что главная мудрость, которая может снизойти от окружающих или сверху, – это начать по-настоящему ценить каждое мгновение жизни и понимать, что это и есть счастье. Это и есть то самое Эльдorado, куда мы пытаемся вернуться. Пока не врезаемся в собственную старость, а затем и в собственную смерть. И получается, что упускаем весь тот рай и всю ту жизнь. Поэтому усталость, которая сопряжена с решением проблемных вопросов, периодически возникающими травлями и одиночеством, – это все вложено органично в устройство моей сегодняшней жизни. Она меня не пугает, потому что дает массу опыта и удивительное количество открытий. Есть люди, которые причинили мне какую-то боль, и я знала, что это зло нужно остановить, купиро-

Алексей Горiboldь

вать в себе. И не транслировать дальше свою обиду. Просто закрыть и остановить сейчас во мне самой. Проходит время, и я вижу, что эти люди – не дети какие-то, а вполне взрослые люди – меняют свою точку зрения и на мои поступки, и на свои поступки тоже. Они находят в себе силы и извиняются передо мной, говорят, что были не правы. И это тоже огромный жизненный опыт, удивительные открытия. Ты понимаешь, что не озлобившись, не позволяя слову «обида» владеть тобой, можно производить какие-то изменения и с другими. Это тоже поразительный опыт, которого никогда не было бы, если бы я не имела отношения к фонду.

Новое отношение к жизни, наверное, находит отражение и в творчестве. Я понимаю, что люди заблуждаются, что у них существует свое представление о добре и зле. Но моя совесть чиста, и это самое главное! Проходит время – и дело отвечает за меня. Мне не нужны слова, мне не нужна пена у рта. Я не чувствую потребности бить себя в грудь и говорить: «Нет, я не виновата! Вы меня неправильно поняли!» Нет! У меня есть поступки, и они намного больше, чем все мои аргументы и доказательства. Делай, что должен, и будь что будет! Если люди считают, что я плохая актриса, потому что сделала то-то и то-то, это их право! Значит, грош мне цена, если меня перестанут приглашать в театр или снимать в кино только из-за того, что где-то как-то кем-то что-то было услышано и обросло домыслами и сплетнями. Значит, я как профессионал не представляю собой ничего, ноль, сама по себе не вызываю никакого интереса. Ну и Бог с ним. Тогда мне не нужна эта профессия. Или я ее буду делать дома, с детьми. С друзьями. В этом смысле у меня совершенно нормальное отношение к себе. Если люди перестают со мной общаться – это их право. Я не нужна этим людям, но и они мне тоже не нужны.

Чулпан Хаматова

– Словом, ваши аргументы – это ваше творчество и ваши дела.

– Совершенно верно.

Белла – таинственная страсть

– Вы сыграли Беллу Ахмадулину на телевидении – в картине «Таинственная страсть», сейчас погрузились в ее поэзию...

– Я была погружена в ее поэзию до того, как снялась в фильме. Это была счастливая случайность, что кино снималось и меня туда позвали. Мне понравился сценарий. До этого были предложения сыграть другого поэта. Моего любимого. Но сценарий был настолько ниже уровня этой поэзии, что я отказалась. А здесь, по крайней мере, не было таких вещей, которые свели бы меня с ума и не было ничего такого, чем я могла бы навредить Белле Ахатовне. Как уж там получилось в кино, я не знаю. У меня есть ужасное чувство стыда перед Ахмадулиной, ужасное! Мы с ней виделись несколько раз, но эта слепота молодости... Пришло другое время, все границы разрушились, другая страна, столько всяких перспектив, все открыто, будущее просто лежит и пульсирует передо мной. И оно, конечно, совсем другое, чем вот у этих уже пожилых лю-

Николай Свентицкий

дей, которые пришли в театр и свысока с нами общаются. У меня был случай. Мы делали фестиваль современных поэтов в Политехническом музее, на той самой сцене, где когда-то Ахмадулина читала «Дуэль»: «И снова как огни марتنенов огни грозы над темнотой»... Мы придумали тогда такую штуку, что молодые поэты читают, а они, мэтры, сидят сзади, может, оценивают, а может, и не оценивают выступающих... Я пригласила Ахмадулину на этот фестиваль со словами: «Белла Ахатовна, вот какое прекрасное дело мы придумали!», но она ответила: «Я не верю в современную поэзию, я не пойду!» До этого мы встречались на каких-то обедах и ужинах, но никогда близко не общались... И я тогда подумала: «Как же так? Мы же молодежь, у нас столько всего интересно!» Но Белла так и не пошла, ее не было... Прошло какое-то время, потом она умерла. А однажды я просто замерла с книжкой ее стихов. И я утонула в поэзии

Ахмадулиной. И поняла все, что она имела тогда в виду... Вся эта современная поэзия – время очень сильного радикализма, остервенелого цинизма, отрицания всего и вся – как в революционное время призывали сбросить с корабля современности всю классику. У нас был такой же настрой, очень жесткий! Любовь? Не знаем такого слова. Дружба? Не знаем такого слова. Панковский разрушительный нигилизм: строим новое искусство! Такое у нас было состояние. Пятнадцать-семнадцать лет назад, в конце 90-х гг. прошлого века – начале 2000-х, это было очень модно, креативно. Белла имела в виду, что все наше бунтарство было не ново, оно случалось уже миллион раз, миллион раз человечество через это проходило! Ни к чему хорошему радикализм, конечно, не приводит, если это не наполнено настоящим смыслом, который должна нести поэзия. И все, я просто утонула в поэзии Ахмадулиной! У меня родилась потребность читать ее для себя, учить наизусть, чтобы в какие-то сложные моменты жизни отвечать ее стихами на мучающие меня вопросы. Что мне нужно постоянно проговаривать ее стихи. И она меня опять-таки – лечит! Так вышло, что пианист Леша Гориболь обратился один раз с просьбой прочитать стихи Ахмадулиной, потом – второй, третий... Но такой большой программы у меня не было. Я всегда читала одно-два стихотворения. Так что выходить на сцену и полпрограммы читать стихи Ахмадулиной – я такого до сих пор никогда не делала. Невероятно большая ответственность на мне потому, что Тбилиси – особенный для Беллы город. Здесь живет огромное количество людей, которые ее знают, помнят, и я волнуюсь...

– А что вы нашли в творчестве Ахмадулиной близкое, созвучное вашей душе?

– Я отвечу ее строчками.
«...Отбыла, отспешила. К душе
льнет прилив незатейливых

истин.

Способ совести избран уже и теперь от меня независим...».

Мне дороги вот эти незатейливые истины, которые Белла умеет открыть. Как она относилась к каждому человеку. К каждому! Если прочитать ее дневники, какие-то наброски, можно найти много интересного. Как она любила собак! Для меня это уже очень много... когда человек не отделяет президента Рейгана от какой-то уборщицы, они в одном ее регистре любви и уважения, в одинаковой позиции. И она всегда, всеми своими поступками очень настойчиво это транслировала. Вот эта незатейливая истина, которую теряют все – не только артисты, каждый человек теряет. В буднях, шелухе минут, потом – часов, потом – дней, а потом – лет. Эти незатейливые истины, как рождественские звезды... и прозрачны, и вняты, и яркие.

– Для некоторых артистов прочитать стихотворение – это сыграть роль. А что для вас искусство чтеца?

– Я категорически не согласна. Не могу смотреть, когда стихи начинают делать ролями. Мне кажется, что самое главное – другое: ретранслятор должен донести мысль, которую заложил поэт. Бывает, конечно, что меня как актрису выплескивает – настолько стихи внутри меня пульсируют, что я «подключаюсь». Но все время стараюсь сдерживаться. Мне не нравится, когда стихотворение присваивается, и артист его играет. Я также не люблю раскраску – мелодекламацию. Мне кажется, очень важно, чтобы стихи звучали прозрачно, очень искренне. И очень уважительно к поэзии. В том регистре, когда ты понимаешь, что это не навредит слушателю понять стихи. Восприятию произведения. Я стараюсь идти именно в этом направлении.

– Дочь Ахмадулиной Елизавета не приняла ни роман

Василия Аксенова «Таинственная страсть», ни фильм, снятый по его мотивам. Она считает, что все это слишком поверхностно и не отражает богатства поэтической палитры того времени.

– Я с ней согласна абсолютно. Во-первых, Василий Аксенов писал этот роман на заказ. И мне он не нравится. Но сценарий – это особое искусство. Как написан сценарий – так сложена история. Этот воздух!.. Но дальше включается кинопроизводство. Оно начинает отсекавать все поиски, потому что на это просто нет времени. Тот фильм, который получился, мягко говоря, не соответствует масштабу ни Аксенова, ни Ахмадулиной, ни Евтушенко, ни Окуджавы, ни Вознесенского. Но мы имеем дело с супермаркетом. Это масс-медийный продукт, который должны съесть не очень, к сожалению, образованные люди. И в этом смысле, когда ко мне подходит взрослая женщина и говорит: у меня дочка после вашего фильма открыла книжку и начала читать поэзию, я понимаю: наверное, этот фильм дал даже больше, чем планировалось. Он не просто

Арчил Бараташвили

был «съеден» за ужином между новостями или пошлым ток-шоу «Пусть говорят» на Первом канале, но еще сделал неплохое дело... Если детям захотелось открыть книгу, это совсем не плохо. А вообще я абсолютно принимаю эту оценку.

– Та же Елизавета пишет о том, что Белла Ахмадулина не относилась к шестидесятникам и даже термина этого не признавала.

– Она вообще ни к какому движению не могла себя отнести, и ее невозможно причислить к какому-то определенному направлению. Потому-то она и Белла Ахмадулина, что все время плыла против течения. Существовала вопреки...

– К шестидесятникам вообще отношение неоднозначное. В. Бондаренко даже называет их «гнилым и червильным поколением».

– Да, все они были живыми людьми. Бродский поссорился с Евтушенко. Кто-то сразу перекинулся на сторону Бродского, другие – на сторону Евтушенко. Началось все это бурление, так сказать, «гнилые червяки». Если Евтушенко за колхозы, то я – против... Тот поссорился с этим, этот – с тем. Белла в этом отношении – человек достойнейший. Она как-то очень деликатно позволяла себе высказываться о своих личных пристрастиях. Бродский, говорят, ненавидел и презирал шестидесятников, тем не менее в последние годы, когда открылись границы и начались поездки, поэты достаточно плотно общались. Бродский даже писал про Ахмадулину в одном американском издании.

– Бродский говорил, что Белла Ахмадулина писала стихи, «сочетая вполне традиционные четверостишия с абсолютно сюрреалистической диалектикой образности, позволившей ей возвыситься свой озноб от простуды до уровня космического беспорядка».

– Так что, если вы хотите со-

Олег Мчедlishvili

ставить свое мнение о шестидесятниках, откройте книжки. Того же Роберта Рождественского. Уж такой, казалось бы, символ страшного советского строя, знамя эпохи... Не надо! Просто раскройте сборник стихов, на котором написано: «Роберт Рождественский». И составьте свое мнение. Наверное, там будут какие-то стихи, написанные по чьей-то просьбе. И тем не менее внимательно прочтите книги... Рождественского, Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной. Подробно, не торопясь. Я не верю, что критики шестидесятников потратили свое время на то, чтобы все это настоящему прочитать. Я вообще страшно не уважаю людей, которые дают кому-то оценки, не вникая в суть.

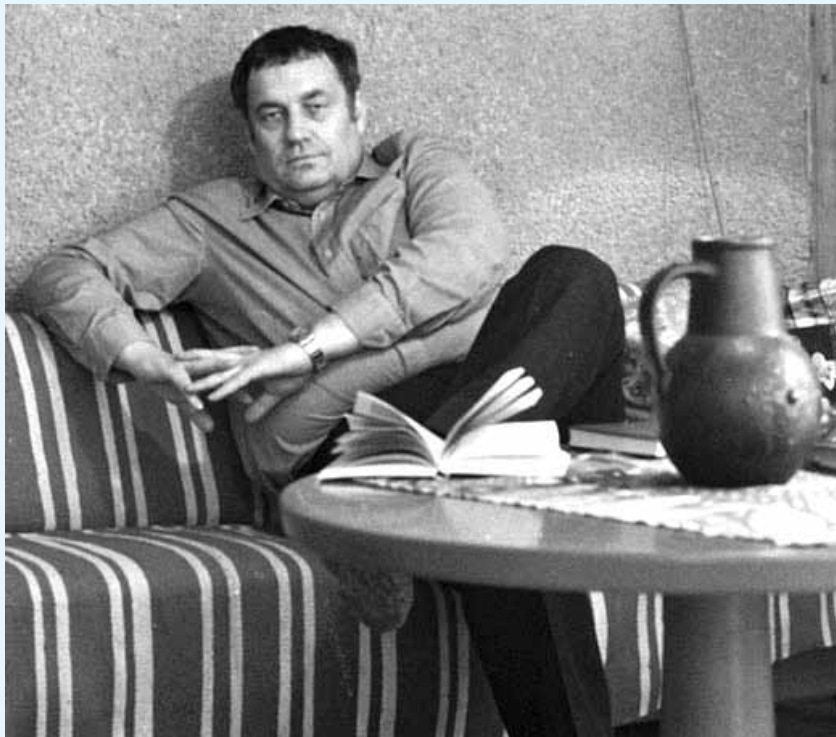
– И последний вопрос. Когда вы счастливы?

– Стараюсь быть счастливой каждую минуту.

– В эту минуту тоже?

– В эту минуту тоже! Я в Тбилиси – как я могу быть несчастливой?

Фото: Гога Чанадири

Эльдар Рязанов

НОСТАЛЬГИЯ В СТИЛЕ ЭЛЬДАРА РЯЗАНОВА

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

В Большом зале театра имени А.С. Грибоедова вспоминали любимого всеми Эльдара Рязанова в связи с его 90-летним юбилеем. Вспоминали веселые и грустные, мудрые и светлые кинофильмы режиссера – их с наслаждением смотрит не одно поколение зрителей, музыку выдающихся композиторов, в сотворчестве с которыми Рязанов творил свой уникальный мир. В ностальгическом концерте приняли участие: гостя из Москвы, народная артистка России Светлана Немоляева, народные артисты СССР Эльдар Шенгелая и Нани Бреговдзе, народная артистка Грузии Гуранда Габуня, заслуженная артистка Грузии Ирма Сохадзе, певцы Майя Бараташвили, Эка Мамаладзе, Темо Татарашвили, Нино Дзоценидзе, Давид Отиашвили, Давид Гвелесиани, Андрия Гвелесиани, Лела Телия, Темо Рцхиладзе, Рамина Мальцева, Ия Томаш, Темо Саджая, трио «Натали», актеры-грибоедовцы: заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мге-

бришвили, Ирина Мегвинетуцеси, Арчил Бараташвили, Нино Кикачеишвили. Организатор проекта – МКПС «Русский клуб» при поддержке Банка ВТБ, режиссер праздника – президент «Русского клуба», директор театра имени А.С. Грибоедова, заслуженный артист России, заслуженный деятель искусств России Николай Свентицкий.

Изюминкой вечера стало выступление очаровательной Светланы Владимировны Немоляевой – актриса прочитала пронзительное стихотворение Беллы Ахмадулиной «О, мой застенчивый герой!», прозвучавшее в фильме «Служебный роман» в ее же исполнении. Стихи читает страдающая от неразделенной любви и предательства Оленька Рыжова – героиня Немоляевой. И зрители проникаются ее тихой болью... как некогда сострадали другому персонажу Светланы Владимировны – несчастной Бланш Дюбуа из знаменитого спектакля московского театра имени В. Маяковского «Трамвай «Желание».

– Знаю, что ваша любимая роль – Бланш Дюбуа из спектакля «Трамвай «Желание». Как она к вам пришла, трудно ли она вам далась и почему она стала самой любимой?

– Пришла она ко мне совершенно неожиданно, можно сказать – внезапно. Как будто свалилась с небес. Потому что, когда в театр Маяковского пришел Андрей Гончаров, я была совсем еще молодая актриса. Играла полудетские роли – студенток, девочек. При Николае Охлопкове у нас было очень много советской драматургии – там были Нинки, Машки, Вальки и прочие какие угодно девчонки, которых я играла очень много. И женских ролей у меня практически не было. Из таких серьезных образов мощного репертуара была разве что шекспировская Офелия... Но все равно это была молоденькая девочка. И когда Гончаров мне предложил прочитать на труппе пьесу Теннесси Уильямса, это стало полной неожиданностью. Во-первых, о пьесах Теннесси Уильямса я слышала в то время очень мало. Знала пьесу «Стеклянный зверинец», и больше ничего. И вот получилось так, что Гончаров дал мне прочесть сборник его пьес. Я была очень удивлена, потому что никогда на труппе ничего не читала. У нас были артисты с прекрасной дикцией, которые всегда читали с толком, чувством и расстановкой. Читали роскошно! А ко мне это не имело никакого отношения. И тем не менее я взяла сборник – велено, значит велено. Это было в Риге, на гастролях, и я стала читать пьесу на ночь глядя после спектакля... и просто задохнулась! Во мне произошел полный душевный переворот. В совершенном потрясении я сказала своему мужу Саше: «Это невыносимо!» И на следующий день в Рижском оперном театре, в репетиционном зале, где стоял балетный станок, я села читать. Я захлебывалась от эмоций, так что вся труппа кричала: «Уберите Светку, это невозможно слушать, она черт знает как читает! Давайте попросим Борю Левинсона!» Он, кстати, действительно прекрасно читал! Но Гончаров заставил меня дочитать пьесу до конца. В конце концов я справи-

На юбилейном вечере

лась со своим волнением и второй акт прочитала более или менее членораздельно. И когда мы выходили – я это хорошо помню, словно это было вчера, хотя это происходило сто лет назад! – и шли по коридору, который вел из репетиционного зала к сцене, Гончаров прошел вперед, я – за ним. И он сказал мне: «Я, наверное, вам дам эту роль!» Я была в полубоморочном состоянии от радости. Психологически я уже стала жить с мыслью, что буду играть Бланш Дюбуа. Но потом, когда начались репетиции и началась жизнь, связанная с этой ролью, все стало происходить с точностью до наоборот. Гончаров обо мне забыл, он дал эту роль другой актрисе. Потом еще одна актриса, которая имела большое значение в театре и была достаточно талантлива и прелестна, сказала: «Спорьте, спорьте, а играть Бланш буду я!» Третья говорила, что заболит, если ей не дадут эту роль, потому что это про ее жизнь. В общем, началась круговерть, которая обычно бывает в театре. Ее никогда не избежать. В результате я получила эту роль, но сначала во втором составе. На каждую главную

роль пьесы было назначено по два человека. Мы репетировали вдвоем с одной актрисой. Но на финишную прямую вышла я. Это все продолжалось почти два года! И за месяц до премьеры Гончаров оставил меня, Светлану Мизери и Армена Джигарханяна, сказав, что второй состав будет играть потом. Таким образом, я стала играть Бланш Дюбуа и делала это целых 24 года! В 1970 году под Новый год была премьера. Играла я одна. Со временем все поменялись, появились другие составы. А последний мой спектакль «Трамвай «Желание» состоялся в 1994 году.

– Что так привлекло, взволновало вас в этом образе? Чем Бланш Дюбуа близка вам?

– Я не сравниваю себя с ней! Я столько сыграла ролей. Неблагодарно и неправильно сравнивать себя со своими персонажами. Я знаю это по себе. В моем репертуаре были и трагические, и драматические, и характерные, и острохарактерные роли. И эпизоды, и большие роли, я выходила даже в массовке. По моему мнению, Бланш – трагическая роль... Глупо сравнивать. По словам

Андрея Гончарова, актерский поступат звучит так: надо стараться вытащить из себя, как бы ты поступил на месте героя, какая была бы твоя реакция. Одно дело – когда ты непосредственно реагируешь, если тебя кто-то испугал. А другое дело – сыграть испуг так, чтобы тебе все поверили. Когда ты читаешь пьесу, она кажется прозрачной и ясной, тебе кажется, что ее легко сыграть. А когда ты начинаешь работать, то понимаешь, как это невыносимо тяжело!

– Вы сказали, работа продолжалась два года? Так долго?

– С Гончаровым мы всегда работали очень долго. Долго не выпускал. Он мог одну сцену репетировать целую неделю! Пока не добьется сути. В чем была тяжесть репетиций? Он разговаривал вместе с нами. Это помимо постоянного крика. Об этом все знают, говорят в среде осведомленных. Но я об этом вспоминать не хочу, потому что это уже навязло на зубах и вызывает оскормину. Гончаров был безумно терпелив и фанатичен. Пока не добьется того, что он как режис-

Публика тепло принимала артистов

сер слышит, не отпускал людей с репетиции. Поэтому он и репетировал так долго.

– Потому и шедевры получались, которые годами шли на сцене театра Маяковского.

– Да, у него было несколько настоящих шедевров. И они проходили через трупы, через страхи и ужасы, через ломки актерских судеб, когда снимали с ролей и назначали других актеров...

– А в вашей судьбе было нечто подобное?

– У меня это было постоянно! С ролей он меня, правда, не снимал. Но костерил почему зря и делал из меня мальчика для битья, и это было перед каждым спектаклем. Вспоминаю репетиции спектакля «Трамвай «Желание»». Первая сцена с сестрой, трагичная, когда Бланш рассказывает о том, почему все пропало, почему она нищая, что ей негде жить и куда деваться, и почему это все произошло. Сразу с места в карьер! Дикая драма... Это было очень трудно сделать. И когда Гончаров репетировал, он разговаривал вместе с нами. Бегал по залу и говорил. То есть мы одни не говорили, и это было невыносимо. В конце концов мы смирились и стали с ним жить этой жизнью. Но вдруг наступила тишина. Моя партнерша Светлана Мизери, игравшая Стеллу, говорит свои слова, я – свои. И я вдруг настолько ступевалась, что остановила репетицию, а за это тоже могли убить, и спросила: «А что, Андрея Александровича

нет?» «Здесь я! – рявкнул Гончаров. – Продолжайте!» И мы поняли, что дело пошло, спектакль получается.

– Была в вашей судьбе еще такая роль – такого же трагического наполнения?

– Практически каждая моя роль идет с трагедийным уклоном. Прочитую вновь Гончарова, который мне говорил: «Вы плачете там, где надо и не надо!» До сих пор некоторые помнят, что меня называли «водопроводом театра Маяковского». Я действительно везде могу подпустить слезу. Драматическая основа моих ролей даже в комедии существует. Что-то случилось с моим внутренним миром. Но такой роли, как Бланш Дюбуа, у меня больше не было никогда. Когда был оглушительный успех, когда была фантастическая премьера в Москве, которая буквально сшибла с ног людей, Гончаров мне сказал: «Учтите, что самые страшные репетиции потом оказываются самыми прекрасными. И такой роли, Света, у вас больше не будет никогда!»

– И это было пророчеством?

– И то, и другое. Эти страшные репетиции были действительно самыми прекрасными. Что касается роли Бланш Дюбуа, то она считается такой же сложной в женском репертуаре, как Гамлет – в мужском.

– И многие актрисы мечтают сыграть ее.

– Может быть, и мечтают. На-

верное!

– Вы говорили, что у каждой вашей роли, даже в комедиях, драматическая подоплека. Конечно, вспоминаются ваши хрупкие героини в фильмах Эльдара Рязанова – «Гараж», «Служебный роман»...

– Да, в этих образах – жена Гуськова, Оленька Рыжова – есть эта надтреснутость, надлом человеческой судьбы. Когда мы обсуждали с Эльдаром Александровичем, с которым очень дружили, моих героинь из «Гаража» и «Служебного романа», то сошлись с ним в том, что они, по сути, чем-то похожи. Их никто не боится. Они могут сколько угодно кричать или сердиться, что-то просить или требовать, но ни один человек не испугается ни одну, ни другую. И жена Гуськова, и Рыжова в сущности совершенно беззащитны. Поэтому зрители так сопереживают и той, и другой.

– Как, впрочем, и Бланш Дюбуа, которая говорит о себе: «Я всегда зависела от доброты первого встречного».

– Да, и она абсолютно беззащитна...

– Это так, но все ваши чудесные героини сильны своим необыкновенным человеческим теплом и обаянием. За это мы их и любим. Как и фильмы Эльдара Александровича Рязанова.

Фото: Гога Чанадири

Белла Мирианшвили

ЛЕТЯЩЕЙ ПОХОДКОЙ – ПО СЦЕНЕ, ПО ЖИЗНИ

■ Ирина ШЕЛИЯ

«И сегодня очень трудно представить себе, что в этом году Белле Мирианшвили исполнилось бы 80 лет...»

Белла. Белка... Согласитесь, все-таки существует некая таинственная магия имен. Просто немислимо, чтобы ее звали как-то иначе. Она и была самая настоящая белочка. Хрупкая, изящная, махонькая. И – необычайно сильная. С обаянием своим всеохватывающим, улыбкой и нежностью ко всему существу – к людям, природе, синему небу.

Когда быстрым легким шагом она неслась по Верийскому спуску, мало кому из прохожих могло придти в голову, что стройная девочка с летящей челкой цвета горячего шоколада на самом деле – известная всей стране актриса театра и кино Белла Мирианшвили. Шли годы, она обрела семью, двух детей, мужа, конечно, выросла по календарю, но всегда выглядела неизменно красивой и молодой, если не сказать – юной. И сегодня очень

трудно представить себе, что в этом году Белле Мирианшвили исполнилось бы 80 лет...

В 1959 году на всесоюзном экране был показан и по-доброму встречен миллионами зрителей трогательный грузинский фильм «День последний, день первый» (режиссер – народный артист СССР Сико Дolidзе, оператор – народный артист Грузии Леван Пааташвили). В картине Белла Мирианшвили проявила свой недюжинный талант, органично вошла в труппу сыгравших в этой картине выдающихся грузинских актеров – Акакия Васадзе, Рамаза Чхиквадзе, Ипполита Хвичиа, Гиули Чохонелидзе, Отара Коберидзе, Медеи Чахава и других. Настоящим творческим событием оказалось исполнение двух главных ролей Беллой Мирианшвили, которой было всего 20 лет, и патриархом грузинского кино, народным артистом СССР Серго Закариадзе – великим мастером сцены, который не раз появлялся со своей юной партнершей и в спектаклях прославленного Тбилисского драматического те-

атра имени Шота Руставели.

Фильм о последнем рабочем дне уходящего на пенсию Георгия и первом трудовом дне Ламары, когда старый почтальон спешит познакомить свою юную сменщицу с теми, кто каждый день ждет его прихода, обернулся поучительной мелодраматичной историей об умении делать добро, о значении в нашей жизни человеческого внимания и отзывчивости.

В дальнейшем прославленный артист, любимый во всем мире «отец солдата» внимательно следил за творческим ростом своей «сменщицы», искренне радовался, когда судьба снова сводила их в новом творческом проекте. И такое, на счастье, не раз свершалось.

Каких только вариантов постановок «Короля Лира» не довелось видеть на своем веку. Но и сейчас, спустя столько лет, можно сказать – десятилетий, положила руку на сердце, признаюсь, что редко когда испытывала столь высокое напряжение, буквально всплеск самых глубоких эмоций, как во время сцен короля Лира – Серго Закариадзе со своей самой любимой, младшей дочерью Корделией – Беллой Мирианшвили. Этот яркий неповторимый дуэт был до края наполнен человеческим теплом, невысказанной – айсбергом за таившейся – обоюдной тоской по былому семейному счастью, невыносимой болью от рухнувшей в одночасье дочерней любви и верности отцу.

Быть может, особый шарм этим сценам придавала их пронизанность чисто грузинской, укорененной в ментальности, глубокой убежденности в незыблемости, сакральном значении духовной связи между детьми и родителями. И от этого трагедия шекспировских героев приобретала особо острый, почти болезненный накал страстей. Я помню, как выразительные глаза Беллы излучали мучительную душевную борьбу – бездонное потрясение от собственного предательства, которое еще вчера казалось невозможным, сегодня

ня стало неисправимым, а уже завтра окажется гибельным. Momentами представлялось, что Корделия теряет рассудок в безнадежных поисках выхода из созданного ею же лабиринта. Казалось, и король не сможет перенести боль дочери – Серго Закариадзе, как никто другой, умел изобразить в одном действе не только свои страдания, но и мучительное сопереживание, обращенное и к родному существу, и ко всем оступившимся в этом горестном мире.

Без сомнений можно утверждать, что эти сцены вошли в историю грузинского театра, как яркие образцы высокого вдохновения и мастерства ведущих актеров спектакля. А роль Корделии в «Короле Лире» признана одной из лучших работ Беллы Мирианашвили на сцене.

Удивительная вещь – широкая публика все больше судит

об актерах по их экранным образам. А ведь есть творческие личности, казалось бы, созданные именно для театра. Белла Мирианашвили была из тех харизматичных актрис, чье присутствие на сцене придавало последней уют и дыхание родного дома, дарило зрителям живое тепло. Какую бы роль Белла ни исполняла на сцене, она с блеском использовала свое актерское дарование, невероятное природное обаяние, придавала образам своих героинь особую изысканность и духовную красоту.

В том же 1959-м, когда дебютировал фильм «День последний, день первый», была написана и поставлена на Бродвее знаменитая пьеса американского драматурга Уильяма Гибсона «Сотворившая чудо» – сложнейшая психологическая драма с множеством оттенков в харак-

терах главных героев. Роль глубоко несчастной девочки Хелен Келлер, заболевшей в полуторагодовалом возрасте «воспалением мозга» и потерявшей, казалось, навсегда вместе со зрением, слухом и способностью говорить ощущение реальности жизни, стоила Белле огромного напряжения – душевного и физического.

Осмыслить, прочувствовать и сыграть на сцене состояние маленького существа с изломанным, исковерканным комплексом сознанием, которое отягощено жестокостью к безмерно потакающим ей родителям, обидой на весь мир и необузданной силой ненависти ко всем окружающим – задача чрезвычайно трудная для актера. Белла справилась с ней совершенно мастерски, словно художник-колорист, тонко понимающий высокое предназначение не только локальных красок на холсте, но и их взаимовлияния, воздействия одного тона на другой. Не уступая никому своего личного пространства, порой пугая своей необузданностью, приглядываясь и притираясь к своей «укротительнице», но и ангелу-хранителю мисс Энн Салливан, которую выразительно играла выдающаяся грузинская актриса Сесиль Такашвили.

Роль Хелен Келлер в исполнении Беллы Мирианашвили так глубоко запала в душу, что нюансы чисто внешнего рисунка образа с невероятной ясностью и четкостью всплывали в памяти при соприкосновении с параллельной темой. Когда я первый раз смотрела спектакль театрального гения, режиссера московского Театра на Малой Бронной Анатолия Эфроса «Брат Алеша» (по роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») и восторгалась прима-актрисой Ольгой Яковлевой, фантастически сыгравшей Лизу Хохлакову, почему-то все время вспоминала «строптивую девочку» Беллы. И даже позволила себе рассказать об этом великому режиссеру. Не преминув при этом высказать свою убежден-

ность в том, что эти две работы равновелики по мощи актерского дарования. «Охотно верю, – совершенно искренне ответил Анатолий Васильевич, – грузинский театр – вещь совершенно особенная».

Она была большой актрисой, Беллочка – моя любимая подружка. О Мирианашвили немало написано и сказано, но еще впереди глубокое изучение ее вклада в историю грузинского театра XX века, в которой это светлое имя будет бережно и навсегда сохранено. Я в этом не сомневаюсь, и посему лучше попытаюсь успеть рассказать тем, кто по жизни не был так близко знаком с Беллой, каким славным и теплым она была человеком.

Белла безупречно владела и грузинской, и русской литературной речью. Она была очень начитанной, эрудированной, неординарной интеллектуальной личностью с выраженной и редкой по нынешним временам любознательностью. Интеллигент до мозга костей. И в то же время Белка была необыкновенно жизнерадостной, веселой, остроумной девчушкой, любившей от души посмеяться, и при этом как бы невзначай напомнить нам, что она не случайно родилась 1 апреля. Беллу все время тянуло на озорные, отчаянно смелые поступки. К примеру, ей ничего не стоило нацепить на себя роликовые коньки – тогдашние неуклюжие, грохочущие четырехколесные, и уж точно небезопасные – и лихо прокатиться на них из одного конца города в другой, с наслаждением разводя руки в поклоне перед ошалевшими и неодобрительно шипящими местечковыми матронами. В далеких 60-х Белка и меня сподвигла на этот, прямо скажу, не совсем привлекательный способ передвижения.

Вспоминая тот период нашей молодости, когда мы были связаны с Беллой тесной дружбой, знали друг о друге все – от мучавших нас творческих исканий до самых затаенных сердечных дел – я вдруг ясно поняла, почему за прожитые на чужбине

Семья Нахи и Беллы

долгие годы так и не смогла перешагнуть через какой-то барьер внутри себя, чтобы навестить любимый Тбилиси. Есть, видимо, затаившийся глубоко в подсознании страх перед крушением живых картинок давно ушедшей в небытие радостной жизни. Ведь родные и близкие люди, многие из которых ушли из жизни, остались для меня теми светлыми, счастливыми и прекрасными молодыми существами, которые, как мне кажется, до сих пор гуляют по проспекту Руставели и улыбаются, приветствуют меня... Как же я смогу пройти мимо входа в театр и не спросить у вахтера: «А Белка

еще не ушла?».

...Словно это было несколько дней назад. В Тбилиси приехал на гастроли театр Георгия Товстоногова, легендарный питерский БДТ. На сцене Театра имени Шота Руставели с утра была назначена репетиция «Идиота» Ф. Достоевского с Иннокентием Смоктуновским в главной роли. Прокрасться в зал было невозможно даже актерам труппы грузинского театра. Что там уж говорить о посторонних, в частности – о студентке первого курса Тбилисского университета? Но никак не могла верная подруга Белла лишиться такой возможности меня, «страш-

На съемке фильма «Жених без диплома» - Акаки Кванталиани, Вахтанг Нинуа, Белла Мирианашвили, Дудухана Церодзе и Абесалом Лория.

ную» тайну которой знала лишь она одна – та самая студентка склонна к графомании и «больна» Достоевским. Правда, тогда мы еще не разобрались, в каком ракурсе «болезнь» эта будет прогрессировать. Белла была единственным читателем моих литературных упражнений и благосклонно советовала искать свое призвание в сочинительстве. Ее поддержка моей авантюрной затеи перевода с физического факультета ТГУ на только что открывшееся на филфаке русское отделение журналистики, была огромным, если не определяющим фактором. Белла убедила и мою маму Кэто, которую она очень любила и считала героиней – по причине трагических коллизий, связанных с биографией сосланного бериевскими опричниками в Сибирь ее мужа и моего отца. Это, опять же, лишь к слову о необычайной чуткости и нежности Беллы. Моя мама отвечала ей взаимной любовью и глубоко уважала мудрость, понимание людей и дар разделить чужую боль, присущий совсем еще молодой, но внутренне зрелой женщине...

Так и свершился первый крутой поворот в моей жизни. У Белки появилась новая забота – причащать меня к Театру, который мы дружно и самозабвен-

но любили – она на сцене, я – из зала. Решено было начать мои журналистские опыты с публикаций об актерах, режиссерах, их спектаклях. Теперь читателям можно будет лучше понять, почему Белла выжала из администраторов все соки, но добилась того, чтобы я побывала на репетиции самого Смоктуновского на сцене ее дома – ее театра...

Не поверите, помню даже ее платье – синее с белыми отворотами и широким красным поясом. В тот день, когда мы, затаив дыхание, тихо прокрались в полупустой, словно тонущий в полумраке большой зал, и затаились в укромном уголке, на ярко освещенной сцене вершилось чудо. Возле небольшого старинного, красиво инкрустированного столика у самого выхода из левой кулисы стоял... сошедший со страниц романа Достоевского живой князь Мышкин. Несравненный и незабываемый Иннокентий Михайлович Смоктуновский.

Мизансцена изображала мрачную комнату в доме Рогожина и тот момент, когда ошеломленный вестью об убийстве Настасьи Филипповны князь заметил на столике кривой рогожинский нож. Взяв его в руки, великий актер тихо спросил у Рогожина: «Этот?» И вдруг, не из-

меня интонации, не возвращаясь в свой собственный облик, отступил от текста, прошептал не значащиеся в нем слова: «Ой, как больно-то!» Оказалось, даже на привычном рабочем прогоне этот уникальный актер настолько глубоко окунулся в мир переживаний героя, что невольно сжал в ладони нож-убийцу со всей потрясенной силой отчаяния бедного князя. И ухитрился сильно поранить руку тупым реквизиторским ножом!

Белла была потрясена соприкосновением с мощной актерской самоотдачей. Этот эпизод, вроде бы совсем незначительный, произвел на нее такое сильное впечатление, что она потом часто его вспоминала с тревогой и вопросом во взгляде. Мне кажется, она все время взвешивала свои актерские возможности погружения в глубины образа, в драму изображаемого на сцене персонажа, и тут ей был представлен редкий случай наглядного примера абсолютного слияния эмоционального состояния актера с миром чувств, рефлексий и подсознательных порывов своего героя.

Миниатюрная, хрупкая, изящная Белла Мирианашвили всем своим обликом, казалось, была предопределена на ампулу инженеру. Ничего подобного! Ее «девочки» – та же Хелен Келлер, тем более Анна Франк были полны драматизма, восходящего к трагедии. Но еще и в том было очарование таланта Мирианашвили, что она в один миг преображалась, меняла «лицо», вживалась в совершенно новый образ с удивительной убедительностью, и никогда не считалась с расхожими представлениями о привязанности актера к тому или иному сценическому жанру или устоявшемуся формату роли. Постоянное исполнение сложных психологических, наполненных драматизмом ролей ничуть не мешало Белле параллельно удивлять своим искусством в других жанрах – юмористических, водевильных, легких, словно порхающих по сцене язычком яркого пламени. Она была

замечательно универсальной и равноумелой во всех лицевых ипостасях театральной личностью – милая, обаятельная, беспредельно честная и никогда не «играющая» по жизни Белла Мирианшвили.

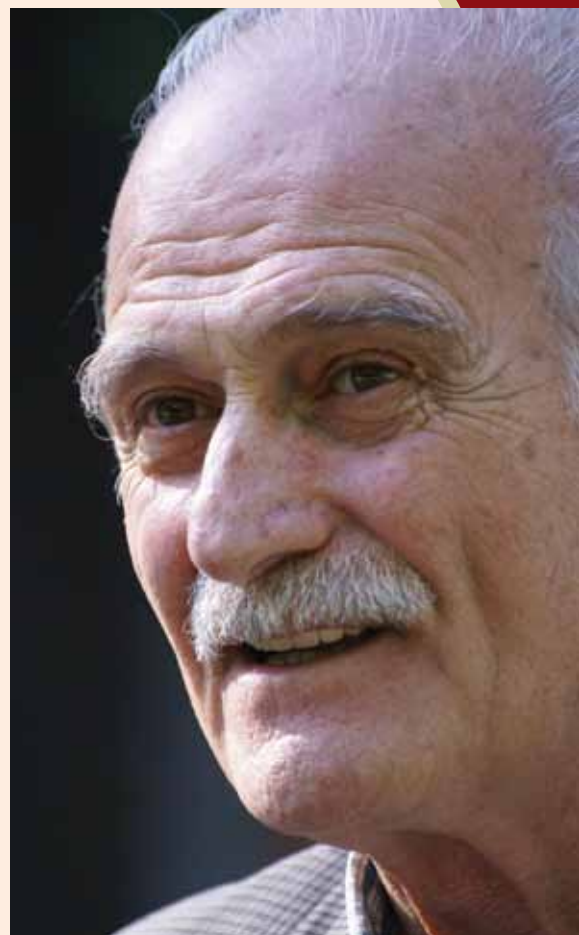
А эта самая жизнь, к печали, не всегда складывается справедливо и по-доброму к тем, кого изначально награждает талантами, тонкостью души и добротой. Наше поколение перетерпело немало стрессов, ломок общественного сознания, борьбы «новаторства» с привязанностью к отживающим представлениям о жизни, чувстве долга, морали. И отсюда подсознательные метания «в поисках пути, сердечной смуте». В результате – ошибки, крушение надежд, разочарования. У очень современной, продвинутой, как сейчас говорят, и успешной актрисы Беллы Мирианшвили был свой приоритет в личной жизни. Она мечтала о полноценной семье, о детях. О любви и взаимопонимании. Верила в чудеса, даже когда разбивались прежние иллюзии. Как отчаянно она боролась за доченьку Наночку с отрицательным резус-фактором своей редкой первой группы крови.

И настал день, когда все мечты Беллы о счастье сбылись – она встретила своего принца на белом коне. Своего верного рыцаря и редкого благородства души человека – великого актера Кахи Кавсадзе. Они прожили вместе около четверти века, любили друг друга с такой немислимой силой и нежностью, какая бывает только в книгах и на сцене. Белла родила мужу сына. И тут, на пике счастья, грянула беда. Послеродовое осложнение лишило ее возможности двигаться. Актрису от Бога, гибкую, пластичную, всегда грациозно пританцовывающую, подвижную, как ртуть. Кахи до конца был рядом с ней, делал все возможное и невозможное для спасения своей единственной настоящей любви.

Будь по прихоти судьбы я режиссером, обязательно сняла бы фильм об этой потрясающей

Love story. Несмотря на то, что мне не довелось быть ее свидетелем воочию – к тому времени я уже жила в Москве и даже не была лично знакома с главным человеком Белочкиной жизни, я точно знаю, каким был бы первый кадр этого фильма. Крупным планом – глаза Кахи Кавсадзе в единственный и очень короткий миг нашего с ним знакомства.

...Москва конца прошлого века. Время, когда еще разобщенность России и Грузии не могла присниться никому даже в самом кошмарном сне. Мы с известным режиссером-документалистом Вахтангом Микеладзе подъезжаем к зданию посольства Грузии, где нас уже ждала приехавшая в журналистскую командировку моя двоюродная сестра. Рядом с ней, спиной к нашей машине стоял высокий человек со знакомым абрисом стройного стана. Темпераментная встреча грузинских друзей. Обмен приветствиями, дружеские объятия. И через несколько минут мне пожимает руку этот «высокий человек» – Кахи Кавсадзе. Внимательно вглядываясь в мое, незнакомое ему лицо. И я спрашиваю у Кахи: «А как поживает Наночка?». «Вы знаете Наночку?» – отвечает он вопросом на мой вопрос. И я неожиданно для самой себя говорю ему, как мы соседствовали и были очень дружны с Беллой... – «в той прежней – до ее встречи с вами – жизни». Редко приходилось видеть такое мгновенное преобразование выражения лица человека. Из вежливо-официального – в теплое, почти родственное. В глазах его за секунду промелькнула целая гамма чувств – искренней заинтересованности, грусти и неизъяснимой мечтательности. Он удержал мою руку в своих больших теплых ладонях и, видимо, готов был продолжить беседу, принять предложение Вахтанга поехать с нами в гости к общим друзьям. Но разве можно такому известному грузинскому актеру «безнаказанно» простоять пять минут возле входа в родное посольство?! Откуда ни

Кахи Кавсадзе

возьмись, набежала целая армия знакомых и не очень людей. Нас чуть самих не эвакуировали невесть куда. Кахи почтительно поцеловал мне руку и сказал, что мы еще обязательно увидимся и поговорим. Как-то даже не успела толком назвать ему свое, а главное – имя моей мамы, уж о ней Белка не могла не рассказать любимому мужу.

А потом... Не стало никакого потом. Мир просто сошел с ума.

Мне не довелось видеть Беллу в болезни. Она осталась в моей памяти той молодой, смеющейся красавицей с легкой летящей походкой. С огромным букетом ослепительно белой сирени в руках, ветки которой она собственноручно, попросту говоря, залихватски насобираала в соседском саду. Для меня, просто так, с желанием доставить удовольствие. В теплом мае 1967 года. До ее ухода оставалось ровно четверть века.

«Крылья для Дюймовочки»

ДЮЙМОВОЧКА, КОНЕК-ГОРБУНОК, КАРЛСОН, МАУГЛИ И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

В новогодние и рождественские праздники к юным зрителям и их родителям, оставшимся в душе такими же детьми, пришли в гости самые любимые сказочные персонажи: Дюймовочка и Конек-Горбунок, Карлсон и Маугли. И многие-многие другие! Эти удивительные встречи организовал, по давней традиции, Тбилисский государственный академический русский драматический театр имени А.С. Грибоедова. На большой сцене в течение двух недель шли яркие музыкальные представления: «Конек-Горбунок», «Маугли», «Рождественская сказка» в постановке Вахтанга Николава, «Приключения Карлсона» и премьерный спектакль «Крылья для Дюймовочки» в постановке Левона Узуняна.

Андерсеновская «Дюймо-

вочка» на грибоедовской сцене обрела яркое – драматическое, пластическое, художественное и музыкальное воплощение. В итоге дети и их родители получили замечательный новогодний и рождественский подарок – очередную музыкальную сказку грибоедовцев «Крылья для Дюймовочки». Режиссер Левон Узунян поместил своих героев – вместе с художниками спектакля Шота Багалишвили и Нино Чкония – в предельно условное красочное сценическое пространство, создаваемое вертикальными полотнищами ярких тканей, прикрепленных к штанкетам (так называемый «французский» занавес). Болотные кочки, по которым прыгает изящная Дюймовочка, обозначены в спектакле световыми пятнами...

Необыкновенным разнообразием и колоритностью отличаются костюмы персонажей, выполненные в стилистике современной моды. Актуальные тенденции проявляются и в музыкальном оформлении, и в пластическом решении сказки: авторы – композиторы Давид и Лексо Туриашвили и хореограф Давид Метревели.

Впрочем, хореограф отдал дань и классике. Именно так представлена в спектакле Левона Узуняна Дюймовочка. В заглавной роли выступает ведущая актриса театра Мария Кития, обладающая замечательной пластикой профессиональной танцовщицы. Одета в балетный костюм она напоминает героиню романтического хореографического спектакля – Сильфиду... Нежная, почти невесомая, «смычку волшебному послушная» Дюймовочка как нельзя более соответствует нашему представлению о хрупком образе, рожденном воображением Андерсена. Выразительна сцена снежной бури, когда маленькая девочка из последних сил сопротивляется, борется со стихией... Эпизод решен пластическими средствами и производит большое впечатление на зрителей.

Спектакль населен смешными и весьма актуальными персонажами (авторы либретто – оригинальной истории – Левон Узунян и Нина Шадури-Зардалишвили). Конечно, они мало напоминают героев сказки Андерсена, но по-своему очень обаятельны и решены в театрализованном ключе. Забавна и живописна поющая и танцующая семейка жаб – продвинутая и энергичная Мамаша (Нана Дарчиашвили) с Дочкой (София Ломджария) и Сыном (Мераб Кусикашвили). Наводит страх дуэт Паучихи (Нина Калатозишвили) и Мухи (Медея Мумладзе). Эти носители злого начала, по замыслу авторов, – шумены. Они «упакованы» в черное и угрожают всему человечеству. Пластика этих персонажей резка и агрессивна, ненавистью

проникнута и песня, с которой они выходят к зрителям... Герои узнаваемы – за Паучихой и Мухой угадываются вполне реальные прототипы сегодняшней действительности, мечтающие о тотальном господстве над всеми и всем – «ведь в мире наступает эпоха паука», уверена «шоуменша» Нины Калатоцишвили. И у нее вполне человеческие черты: транслируемое зло обрекает Паучиху на «фатальное» одиночество. Дюймовочка не хочет принимать участие в ее страшном шоу и противопоставляет ему свое представление о мироустройстве: «Любовь – вот смысл жизни, а вовсе не паук!»

Андерсеновский слепой Крот в спектакле грибоедовцев облагорожен – он оперный певец и композитор (Михаил Арджеванидзе). Единственное, чего ему не хватает для полного счастья, – это подруги жизни. И Крот находит ее, но не в лице Дюймовочки, как ему хотелось поначалу, а в элегантной Мышке (Анна Николава), давно в него влюбленной и разделяющей его музыкальные пристрастия. В итоге Крот даже прозревает: любовь поистине творит чудеса!

«Лучше замерзнуть, чем жить без любви!» – считает Дюймовочка из спектакля грибоедовцев (пожалуй, это и есть главная его идея). И любовь

«Приключения Карлсона»

приходит к ней в лице прекрасного Ромео – Короля эльфов (Лаша Гургенидзе), обладающего способностью летать. Полюбив, Дюймовочка и сама обретает крылья! Как Ласточка – еще один романтический персонаж спектакля (Нина Нинидзе). Она помогает Дюймовочке преодолеть препятствия на пути к долгожданному счастью.

Отдельно хочется отметить тексты зонгов, звучащих в спектакле. Они глубоки, поучительны и одновременно легки для восприятия юной аудиторией. Автор – завлит театра имени А.С. Грибоедова Нина Шадури-Зардалишвили. Аплодисменты – всей постановочной группе. В первую очередь, конечно, режиссеру, обладающему боль-

шой фантазией. И актерам. Танцующим, поющим и верящим в силу любви.

К Новому году Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб» выпустил очередное издание в серии «Детская книга»: сборник сказок писателя, сценариста, художника-иллюстратора и режиссера-аниматора, одного из пионеров советской мультипликации Владимира Сутеева. Книжку «Кто сказал мяу? И другие сказки Владимира Сутеева» девочки и мальчики (а это более 5 тысяч ребят, посетивших новогодние спектакли!) получили в подарок вместе со сладостями. Среди юных театралов – приглашенные бесплатно воспитанники детских домов и интернатов, дети с ограниченными возможностями, из семей беженцев и многодетных семей. В книгу вошли любимые всеми сказки «Кто сказал мяу?», «Про бегемота, который боялся прививок», «Терем-теремок», «Три котенка» и другие. А также русско-грузинские словарики, грамматические упражнения и картинки-раскраски. Сборник сказок, иллюстрированный выпускницей Тбилисской государственной Академии художеств имени А. Кутеладзе Майей Кабоснидзе, издан при финансовой поддержке Международного благотворительного фонда «Карту».

Соб. инф.

«Конек-Горбунок»

ЕЛЕНА ШАХНАЗАРОВА

Елена Шахназарова – филолог, окончила Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили. Работала гидом в Тбилисском бюро путешествий, корреспондентом газеты «Экономическая неделя» и информационного агентства Грузинформ-ТАСС. Четырехкратный номинант Национальной премии Российского союза писателей «Поэт года». Стихотворения напечатаны в литературных альманахах «Путь дружбы» и «Крестовый перевал» (Германия), «Ямская слобода» и «Кавказский экспресс» (Россия), периодических изданиях Грузии.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДВОРЫ ДЕТСТВА, ГДЕ СУШИЛИ ШЕРСТЬ,

Там гибкий кизилковый прут
взвивался над шерстью пахучей,
там было не легче – но лучше,
ни память, ни двор не соврут.

И были перины – как пух,
и руки, натруженно-жестки,
дворняги любимая шерстка
и солнцем пригретый лопух,

и гаммы сквозь уличный гам,
и запах тягучий – ткемали...
А прутья певуче взлетали,
сродни дирижерским рукам.

БАШНЯ

Сказочнику Резо Габриадзе

Бродит по улице сказочник, сказочник
(взгляд и походка встревоженной птицы),
кружит нам голову фразой загадочной:
«Воздух весны должен осенью сниться...»

Театр, прикинувшись бархатным ларчиком,
все мимолетное сделает вечным.
Слушаем – прежние девочки-мальчики –
странную птицу с лицом человеческим.

Что-то болеется в годы последние
городу, вместе с его устабашем...
Но по кирпичику, медленно-медленно,
словно спасение, строится башня.

Рельсом скрепленная с улочкой тесной,
помнит и роли, и тексты к эпохам.
Дерево с крыши взметнется протестом,
ангел утешит крылом скомороха...

Стрелки часов – как подарок под елкой:
и проплывают тбилисцы ушедшие –
бабушка в шляпке, и мама в футболке,
старый сосед, что любил «Оджалеси»...

Дрогнет лицо под сырым листопадом...
Тот, кто здесь был, никогда не забудет,
как обменялись прощающим взглядом
разом ожившие – куклы и люди.

НАСТРОЕНИЕ ФЛАМЕНКО

Из страха или суеверья
загаданное утаю.
Не зря сутулые деревья
еще пугает память вьюг.

Но растопырит радость ветку,
когда забродит липкий сок.
И легкомыслия беретку
я лихо сдвину на висок.

И вновь подумаю о лете,
забыв прогнозы о войне.
Фламенко, дерзкое как ветер,
исполнит бабочка в окне.

СТОП-КАДР

Апрель. На третьем этаже
старик прилежно моет окна.
И дом – оживший зимний кокон -
расправил крылышки уже.

Здесь жили дед, отец, семья...
Теперь один он. Так бывает.
Он что-то стеклам напевает
и носит воду, семена.

И зайчик солнечный дрожит,
и отраженьи невесомо...
Во сне он мальчиком из дома
бежит, считая этажи...

* * *

Кофейных бдений запах у Куры...
Где бродит тень уверенности прежней,

что жар дымящих чашек – до поры.
Потом нас охладит пломбир с черешней.

Все завершит глоток воды со льдом –
притушит споры, примирив все вкусы...
Так тесно дружбы детское пальто:
и жалко сбросить, и оставить – трусость.

Пора идти. Но вечных ссор азарт
так крут, как эта лестница поката.
Здесь мы сидели (триста лет назад!),
помешивая ложечкой закаты...

Нам не лишить друг друга этих прав:
вниз головой струиться в отраженье
и, словно воробьи на проводах,
галдеть базаром в птичьем окруженье.

К ночной кофейне мудрости плоды
не принесет река в предсонной лени.
И мост, устав мирить, как поводырь,
вернет нас всех на прежние ступени.

ПРОСЬБА

Дыхание открылось... Не прерви.
Мне не нужна избыточность надежды.
Как прежде, в старый город, до зари
пускай бредет мацонщик... Белоснежный
качнется над хинкалями колпак...
Закончатся разъезды и разлука.

А если будут слезы – только так:
от доброго вина и злого лука...

Как просто осень одурачила
зеркально отраженным светом!
С безумием богачки трачу я
тепло, накопленное летом.

И, нерасчетливо и радостно,
ветрам швыряю сокровенное:
цветной охалкой – море Красное,
и Черное, и Средиземное...

Дни – расписными скоморохами...
Крахмал зимы хрустит все ближе.
Пускай моря мои, со вздохами,
зима на ниточку нанижет!

ИЮЛЬСКИЙ ДЕСАНТ

Внукам

Так и стояли они под балконом,
то ли смущенно, то ли влюбленно –
табором юным, с неблизкой планеты,
так и махнули в тбилисское лето!

Улочки, храмы плыли навстречу,
речью гортанной, лечащей речью,
скалы, платаны, замки из света...
Разные страны – общее лето.
Было обещано, снилось ночами,
так возвращаются реки – ручьями.
Так прирастают к чужому – едва ли.
Канули в омут: «Тбилиси... хинкали!»

ДУЭЛЬ

Резной револьвер под названием «осень» –
он просто обязан был выстрелить в цель.
И мир, оглушенный, стал тих и серьезен,
как гулкий, петляющий в зиму, тоннель.

Прикинуться «бабьим» – смешная уловка,
хватило на два календарных листа...
И вскинуло лето ладошку неловко,
роняя к барьеру дуэльный устав.

* * *

Н.К. Орловской

Есть все-таки что-то в старинных тифлиских домах,
где связь поколений означена цифрой «четыре»,
где запах корицы как вкус валерьянки настырен,
а в белых чехлах затаились надменность и страх.

Где вышитый коврик (ах, бабушка!) вытерт, но цел,
где гвоздик, забитый неровно, напомнит о многом –
о чем говорить полагается выпрепленным слогом...
и мы б рассмеялись, да горькая точка в конце.

Но что-то осталось, какая-то памятка в мире –
о чувствах, звучащих порывисто, музыке в такт.
Играет сам дом, несмотря на земной кавардак,
по старым пометкам, в четыре руки, на клавире.

* * *

Зачем-то заболеть заботой о былом,
забыв все бытовые передраги,
лениво пролистать лоснящийся альбом,
где предки спрятаны в мундиры и во фраки.

Придирчиво черты родства искать,
и пристально следить: росли, любили.
Чем призрачнее замки из песка,
тем круче путь – сраженья, ссылки, гибель.

И гордый ряд крестов их и наград
в ломбард снесут потомки, чтоб согреться,
и стершаяся надпись: «Милый брат!
Манглиси, детство...» – саданет под сердце.

Они ушли. Последней пряжи нить
дрожит, и все же тянется за ними...
Не дай нам, Боже, ту же жизнь прожить.
Не дай нам, Боже, быть совсем иными.

КАК МЫ СПАСАЛИ РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТУ

■ Ирина МАСТИЦКАЯ

Сыграть на настоящей сцене Шекспира в пять лет, да еще вместе со всей группой детского сада – ОЧЕНЬ КРУТО!

Погружение детей в тему настолько глубоко, что в эту эмоциональную воронку засасывает не только режиссера и воспитатель, но и родителей.

Смелый эксперимент? Нет, обычная педагогическая практика детского садика «Neverland».

За три года мы все привыкли к музыкальным постановкам «Бемби» и «Пинокио». Привыкли к неожиданной музыкальности наших детей. К тому, что из-за невозможности сразу выйти из образа, после спектакля костюмы носят дома. Так, после прошлогоднего «Бемби» весь январь по дому бегал, помахивая хвостиком, внук-барсучонок. Привыкли к обязательным слезам в ходе спектакля одного из главных героев, не увидевшего в зале маму.

Постепенно дети привыкли перевоплощаться и получают от этого удовольствие! И тем не менее я очень удивилась, когда забирая внука из садика, услышала: «У нас будет спектакль «Ромео и Джульетта».

– Ты, конечно, Ромео?! – спросила с улыбкой.

– Нет, Меркуцио, – был ответ.

А потом он долго распевал мелодии Нино Рота к известному кинофильму. А потом и с текстом. И как же развлекались старшие

братья, когда он учил реплики своего героя. То же происходило во всех семьях. Да, версия пьесы облегченная – действие происходит в веронском... курятнике. Все они петушки и курочки. Отсюда и Джульетта. Но все остальное прямо по тексту.

Однажды внук пришел домой со слезами.

– Знаешь, моего Меркуцио убивают!

Осознание безнадежности пришло ко всем детям одновременно. Это было для них неожиданно и, очевидно, очень больно. Репетиции не заканчивались в детском садике, а продолжались по дороге домой и дома. И скоро родители услышали суицидальные тексты.

– Мы должны покончить с собой, – предлагала кукле Джульетта.

– Мы убьем друг друга или выбросимся в окно, – звучало в других семьях.

Испуганные мамы собрали срочное собрание с режиссером.

Жизнерадостный, талантливый Иракий Саная умеет работать с детьми и быть с ними на одной волне. Он успокаивал родителей: «Ромео и Джульетта» не страшнее сказок, которые они слушают. Не говоря уже о фильмах по телевизору и компьютерных играх. Я не заостряю внимание детей на трагедии. Да простит меня Шекспир, я внес немного национального юмора в

спектакль. Детям скорее весело. Они лишь на секунду падают и тут же вскакивают».

Так думал режиссер, но не дети! Дети для себя решили, что Ромео и Джульетта не умрут. И режиссеру ничего не оставалось, как, еще раз извинившись перед Шекспиром, героев оживить. Теперь падре успевал вовремя.

На общей радостной волне успокоился и мой внук, но через несколько дней пришел «чернее тучи».

– Мой Меркуцио все-таки умрет... Если он умрет, я больше в этот садик не пойду!

Пришло время мне бежать к режиссеру.

В спектакль внесли новые коррективы. После спетой и сыгранной сцены поединка и после фразы: «Чума на оба ваши дома!» – Меркуцио приподнимается с пола и говорит в зал: «Мамочка, это я играю!», после чего друг Берволио протягивает руку со словами: «Вставай, Меркуцио, хватит дурачиться» и поднимает его.

Наконец наступил день спектакля. Уютная сцена театра Ахметели. Балкончик Джульетты, увитый цветами. Сцена бала. Вся труппа в средневековых костюмах кружит в знакомом по фильму танце. Крохотная нежная Джульетта и умный серьезный Ромео совершенно искренне играют сильные детские чувства. И когда в момент кульминации они берутся за руки – этот жест сильнее взрослых объятий.

Смешно суетится, помергельски причитая, маленькая няня. Вознося руки к небу, страдает падре, но успевает спасти влюбленных. Заглушая аплодисменты зала, громко поют и фехтуют на сцене Меркуцио и Тибальд.

Все спасены! Спектакль окончен. Детям не хочется уходить со сцены. Похоже, они «заразились» сценой. Возможно, на всю жизнь.

Для продолжения праздника зовут Деда Мороза. Он тоже посмотрел весь спектакль, поэтому выходит со словами: «Как же мне сейчас попросить сказать стишок, когда они только что играли Шекспира?!»

И надо заметить, что не только играли, но и выиграли у Шекспира несколько жизней!

ЯНВАРСКАЯ РОЗА

■ Валерий ПАРТУГИМОВ

Для меня эта белешенькая январская роза – символ Тбилиси. В ней нет усталости от обрыдлого летнего зноя и пряной душистости. Она не наливается на солнце медовыми оттенками и не источает эфирные масла, как бывает в нещадном тбилиском июле. Однако есть в этом по-девичьи обособленном цветке первозданная свежесть, чистота и свет неизъясимой нежности, а значит – все признаки любви. Древние греки уверяют нас, что роза называется королевой цветов и символом любви с тех пор, как появилась из белоснежной пены, обволакивающей тело богини любви Афродиты, которая вышла из моря после купания. А есть ли на свете еще кто-либо другой, который, как и тбилисец, был бы так расположен к поглощению мифов, словно он, закинув глаза к небу, приник в наслаждении к мундштуку винного бурдюка?

Вот такой белокипенный, жемчужно-белый в своей глубинной сущности наш город, и пусть

никто не хвастает, что он постиг эту суть и выстроил свою душу по ее подобию. Мы вдосталь говорим о своей размашистой тбилискости, или о том, как умеем благородно тифлиссествовать, однако не так уж много делаем для создания возможности приблизить свечу своей души к силе свечения этой январской розочки – знаку непорочности, незаслуженности духа самого Тбилиси. Подобреть, помудреть бы всем нам еще немного, и что-нибудь доброе и разумное для ближнего сделать.

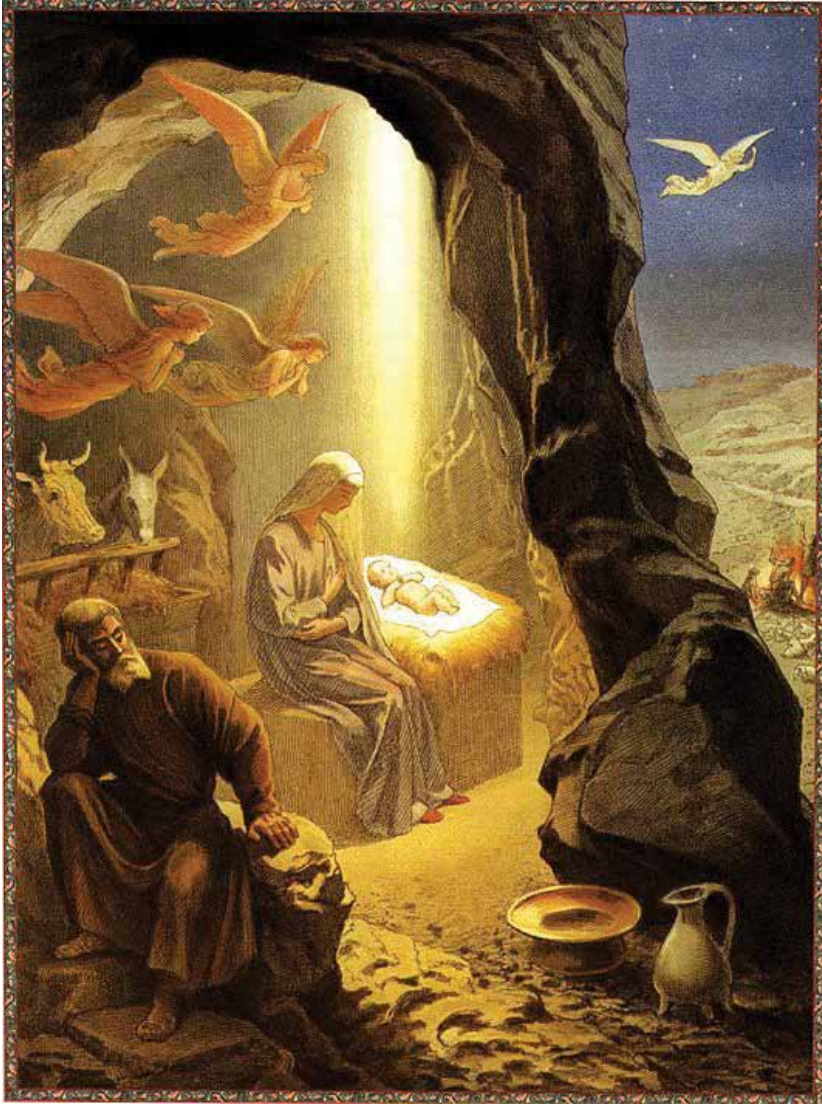
Тбилиси не дрогнет от нашествия и разрушений, стерпит фальшивые слова в свой адрес, вымученные за иным столом, бездарность строителей уродливых зданий в центре или на отрогах Триалетского хребта, грязь на разбитых улицах и на языках своих горожан. Он переживет затянувшуюся бедность, двуличие политиков, подлость бандитов и воров, продажность чванливых ура-патриотов, демагогию рвущихся к власти, ксенофобию про-

вокаторов и ложь в эфире. Город знает – зло покинет это место.

Тбилиси сохранил верность духу Тифлиса, и в любом развороте истории и судьбы не растеряет своей девственной белизны. Однако сам факт рождения и проживания в Тбилиси не дает право каждому тбилисцу декларировать свою причастность к этой высокой просветленности, как не выдано свыше никому индульгенции на право грешить безнаказанно всю жизнь. Человек Тбилиси каждым своим поступком и словом должен снова и снова доказывать, что он действительно достоин жизни в этом городе, имеет честь разумно созидать, возделывать, беречь и любить.

Мне мечтается, что каждый из тбилисцев, где бы он ныне ни оказался по воле судьбы, сохранит эту прекрасную фотографию январской розы, и по утрам, всматриваясь в нее, будет представлять, что глядит в зеркало. Слияние двух изображений станет знаком приближения к Господу Богу и духу вечного города Тбилиси.

Фото: Александр СВАТИКОВ

По картине Г. Гагарина «Рождество»

И ЧУДО ЕСТЬ БОГ

■ Алена ДЕНЯГА

Праздничные дни Нового года остались позади. По-детски счастливое время – Новый год! С веселыми хлопушками, ракетницами, бенгальскими огнями, праздничной уличной иллюминацией, разукрашенными елочками и, наконец, детскими спектаклями в Грибоедовском театре, в фойе которого можно посидеть на волшебном троне и сфотографироваться в карете принцессы...

А следом за новогодними днями идут полные надежды и веры православные праздники – Рождество и Крещение.

Во времена правления Константина Великого его мать,

Елена Константинопольская (Святая Равноапостольная Елена) посетила Святую землю и организовала там первые раскопки на Голгофе и в других местах, связанных со Страстями Христовыми. По ее указанию над пещерой (гротом), где родился Иисус, была возведена Базилика Рождества Христова. Это один из первых храмов, богослужения в котором практически непрерывно проходят с середины IV столетия н.э. Царицей Еленой были заложены еще два храма – храм Гроба Господня на Голгофе и церковь над местом Вознесения Христа на Масличной (Елеонской) горе.

По свидетельству отца церкви Евсевия Кесарийского:

«...воздвигла она поклоняемому Богу два храма: один при пещере рождения, другой на горе вознесения, ибо Эммануил (с нами Бог) благоволил родиться для нас под землей, и местом плотского его рождения евреи признают именно Вифлеем. Посему, благочестивейшая василиса всячески украсила эту священную пещеру и почтила дивными памятниками бремя Богородицы. А спустя немного, ту же самую пещеру почтил своими приношениями и василевс, к щедротам своей матери присоединив золотые и серебряные дары и различные завесы».

Рождество всегда подразумевает явление чуда... Чуда не бытового, отнюдь, чуда просветления, красоты духа.

Случай с преподобным Романом, уроженцем Сирии, «града Эмессы» (как рассказывает Патмосский кодекс), тому доказательство. Святой Роман во времена правления византийского царя Анастасия (первая половина VI века) служил в храме пресвятой Богородицы в Кирах. В ночь перед Рождеством Христовым ему привиделась Пресвятая Богородица. Она протянула ему свиток из пергамента и дала указание проглотить его. Проснувшись, св.Роман обрел дар поэта. Именно потому он известен как Роман Сладкопевец. Ему принадлежит знаменитый кондак: «Дева днесь Пресущественного рождает, и земля вертеп Неприступному приносит; Ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют; нас бо ради родися Отроча Младо, Превечный Бог».

Его перу принадлежат более тысячи молитв к различным церковным праздникам. Например, за несколько дней до Рождества Христова и уже в праздничные дни исполняются «алфавитные стихиры Рождеству» – они изначально были составлены св. Романом.

Еще одно проявление чуда просветления – икона «Рожде-

ство Христово» Андрея Рублева. Обыкновенная липовая доска претерпевает метаморфозу и из простой с виду дощечки становится уникальным образцом иконографии Древней Руси. Эпоха Рублева была расцветом как словесного, эпического и иконописного искусства, так и периодом возрождения веры человека и его духовного роста. И сам Андрей Рублев – полулегенда, человек-эпоха.

В 1881-1882 годах художник Василий Поленов путешествует по библейским местам. В том числе он впервые посещает Палестину. Домой он возвращается с многочисленными эскизами. И вот среди них мы видим чудесную Базилику Рождества. Присмотритесь к этой акварели – в ней столько жизни, движения, света... Тогда не было мобильных телефонов с встроенными камерами. Но после поездки художник оставил на память всем нам замечательные работы. У него целая серия и вы найдете в ней и Храм Гроба Господня, и Предел Святой Елены и еще много интересных набросков и законченных полотен.

Каждый год 19 января православный мир отмечает Кре-

А. Рублев. Рождество Христово

В. Поленов. Вифлеем. Вид на базилику Рождества

щение. В честь «Иорданского события» под пение тропарей «Глас Господень на водах...» происходит великое освящение воды. Отметим, что обряд проводят дважды – накануне 19 января, в Навечерие, и в день самого праздника.

Многие русские художники обращались к теме Крещения Христа, но среди них хотелось бы выделить тех, чья судьба была связана с Грузией. Три имени, оставившие свой след в грузинских храмах: Андрей Иванов («Крещение Спасителя»), Григорий Гагарин («Крещение Господне») и Михаил Нестеров «Крещение Господне (Богоявление)».

Андрей Иванов, отец Александра Иванова, создателя картины «Явление Христа народу», является автором образа «Пророка Моисея» для храма Сиони в Тифлисе (1836-37).

Григорий Гагарин, обер-гофмейстер двора Его Императорского Величества, в 1848 году сопровождал светлейшего князя Михаила Воронцова, наместника на Кавказе, в Тифлис. Григорий Григорьевич и его супруга Софья Дашкова создают здесь салон, ставший одним из островков культуры в Тифлисе. Сама Софья Андреевна выступала на сцене Тифлисского театра. При непосредственном участии Г. Гагарина шли восстановительные работы в соборе Сиони, в монастыре Бетания (Вифания) и других.

И еще одно имя – имя Михаила Нестерова. По пригла-

шению великого князя Георгия Александровича в Абастумани художник приступает к работам. Михаил Нестеров оставил воспоминания о своей поездке в Абастумани: «Быстро проезжаем мимо... старой грузинской церковки, в которой, до постройки новой, молился наследник. А вот справа и новая церковь, та, которую мне скоро придется расписывать. Она в грузинском стиле, прекрасно выдержанном... Все прекрасно, пропорционально... Прекрасная паперть, кое-где осторожно введен оригинальный грузинский орнамент, высеченный из камня...».

Росписи Абастуманского храма сохранились не полностью, в 2004 году в храме прошли реставрационные работы, но фрески известны по сохранившимся эскизам художника в фондах московской Духовной академии.

Приглядитесь к этим картинам – все они по-своему уникальны и замечательны. И каждый из нас найдет для себя то единственно важное и ценное, ту частичку тепла и света, которая затронет струны нашей души.

«Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь...»

С праздниками, дорогие читатели! Всего доброго и прекрасного вам!

Тифлис. Казенный театр на Головинском проспекте

ОПЕРНАЯ АНТРЕПРИЗА ЛАВРЕНТИЯ ДОНСКОГО В ТИФЛИСЕ

■ Мария КИРАКОСОВА

Нужно ли говорить о том, что с момента основания оперного театра в Тифлисе (в ноябре 1851 года) опера стала самым любимым и почитаемым видом культурного развлечения жителей грузинской столицы. Театр был расположен в центре Эриванской площади, в здании караван-сарая тифлисского купца 1-й гильдии, мецената и советника коммерции Габриэла Тамамшева, который субсидировал строительство. Архитектором был итальянец Дж.Скудиери. Главным украшением театра стал зрительный зал; выполненная в мавританском стиле роскошь стен – плод щедрой фантазии художника Григория Гагарина, гармонично сливалась с сиянием выписанной из Европы драгоценной люстры. Гордость

тифлисцев перекликалась с восхищением гостей города.

«За всю свою жизнь я видел почти все театры, но ни один из них по красоте не может сравниться с тифлисским», – писал Александр Дюма, посетивший Грузию.

История этого театра не была продолжительной. Вспыхнувший в 1874 году пожар, совпавший с представлением оперы Беллини «Норма», уничтожил здание со всем реквизитом, декорациями, костюмами, библиотекой. «Сгорел Тамамшевский караван-сарай и с ним погиб наш прекрасный театр, дорогая память о Гагарине. Только в этот вечер мы узнали, что у Тифлиса нет пожарной команды», – сокрушался князь Григол Орбелиани, общественный деятель, воин и

поэт.

Строительство нового здания затянулось. Музыкальным постановкам было отведено непригодное для спектаклей помещение на Водовозной улице, которое на протяжении десятилетий стойко выдерживало дефицит государственной казны. Его поддерживали частные антрепризы, которые достойно или не очень несли свое бремя. Среди таких, говоря современным языком, менеджеров порой встречались замечательные личности. Один из них известный нашему читателю Иван Питоев – выдающийся меценат, отдавший не только энергию и жизненные силы оперному делу, но и все состояние, реформатор, отстаивавший введение в театральный репертуар русских опер. Но сегодня я хочу вспомнить другого продюсера, имя которого, возможно, незнакомо теперешним меломанам. Это Лаврентий Дмитриевич Донской, оставивший след как великолепно образованный музыкант, певец императорского театра, талантливый организатор театральной жизни. Когда он возглавил тифлисскую антрепри-

Лаврентий Дмитриевич Донской

зу в 1905 году, ему было 48 лет.

«Во главе оперной труппы стоит один из главных столпов Большого театра... Расставшись со столичною сценою в расцвете своих творческих сил, Л. Донской принес сюда горячую преданность своему призванию и искреннее желание внести посильную лепту в дело развития оперного искусства в Тифлисе», – сообщала газета «Кавказ».

Л. Донской возглавил антрепризу Тифлисской оперы в тяжелый год русско-японской войны и вызванных ею осложнений в театральных сферах (рецензии на спектакли чередуются с тревожными вестями театра военных действий). Пробыв в Тифлисе неполных два сезона, он ощутимо поднял художественный уровень труппы, за короткий срок приобрел репутацию одного из лучших исполнителей теноровых партий и сделался любимцем публики, а, главное, подвижнически оберегал театр от надвигающегося кризиса, нередко покрывая дефицит из собственных ресурсов.

Антреприза открылась «Жизнью за царя» (роль Собинина была одной из самых любимых в репертуаре артиста). Вступив на поприще руководителя труппы в год столетия М.И. Глинки, Донской решительно запретил купюры в его опере, без которых прежде не обходился ни один

спектакль. Другим новшеством Донского стало использование артистов хора в сольных партиях. В этом он был солидарен с режиссером театра С. Гецевичем, который с большой тщательностью отделял второстепенные роли, давая их исполнителям шанс к продвижению.

При большом внимании к вечерам одноактных спектаклей, которые начались с премьеры «Алеко» С. Рахманинова, Донской взял за правило устраивать в промежутках между такими представлениями концерты с программой преимущественно из произведений новой русской музыки. Так состоялось приобщение тифлисских меломанов к оперным и романсовым опусам Гречанинова, Миклашевского. Высоко ценя и приветствуя просветительские тенденции деятельности Донского, критик Альфа рекомендует придать распространению малоизвестных сочинений целенаправленный характер, связывая каждый концерт с определенным стилевым течением.

Как солист Донской был прекрасен во всех ролях. Фауст, Синодал, Дубровский, Манрико... После дебюта в «Манон» газета «Кавказ» объявила, что за Донским установилась прочная репутация «редкого певца и артиста». В роли Хозе, слушая арию «с цветком», публика «захлебывалась от восторга». Не берег сил, подобно многим другим певцам, Лаврентий Дмитриевич и в утренних спектаклях, щедро одаривая слушателей волшебным звучанием верхнего «до» в «Трубадуре».

Благодаря его участию истине выдающимся событием стала постановка «Нерона» А. Рубинштейна. «На сцене не было Донского, – утверждает рецензент, – был Нерон, и если в чем-нибудь и нарушалась гармония, так только в том, что Рим рукоплескал Нерону из раболепного страха, а зрительный зал... из чувства полного эстетического удовлетворения».

Неподражаем был артист в сцене в мавзолее Августа. Застигнутый грозой, император

Л. Донской в опере Дж. Мейербера «Гугеноты»

Н.Т. Ван-Брандт в опере Л. Делиба «Лакме»

укрывался в усыпальнице предков, и здесь его начинают преследовать, доводя почти до галлюцинации – мелькающие тени, потусторонние голоса, угрожающие выкрики загубленных жертв. В сценическом образе Донского зрителей одинаково потрясали «...и дикая ярость, и смех полуидиота, и проблески истинного вдохновения». Аплодировали не только слушатели, аплодировали артисты оркестра, и все, кто находился на сцене.

Достоинной партнершей Лаврентия Дмитриевича была его жена и ученица по вокалу Н. Донская-Эйхенвальд (до поступления на сцену арфистка оркестра Большого театра). В Тифлисе она аккомпанировала себе на арфе в оперетте «Мадемуазель Нитуш», которую Донской вынужден был поставить из-за плохих сборов, и имела оглушительный успех. «Редкая задушевность. Прекрасная игра. Математическая точность интонации, чистый как серебро голос,.. тонкое понимание роли», – в таких выражениях характеризует певицу на страницах «Тифлисского листка» М., самый суровый из тифлисских критиков... «Супру-

ги Донские удивительно хорошо «спелись», и их исполнительские дуэты можно слушать без конца с одинаковым интересом», – продолжает рецензент. Участие дирижера А. Эйхенвальда, брата певицы, превратило семейный ансамбль в терцет. Судя по всему, именно Эйхенвальд был инициатором выбора Тифлиса для продюсерской деятельности; его московский педагог по гармонии был дирижер Большого театра Н. Кленовский, который до начала антрепризы Донского шесть лет возглавлял Тифлисское музыкальное училище вместо уехавшего Ипполитова-Иванова. К когорте музыкантов принадлежала и его старшая сестра, Маргарита Эйхенвальд-Трезвинская, певица. Солистка Большого театра, она задолго до приезда Донского числилась в составе тифлисской оперной труппы, а после 1901 года, уже обосновавшись в Европе, продолжала гастролировать в Грузии. А Антон Эйхенвальд еще долго оставался в Тифлисе. После распада труппы он был назначен главным дирижером оперного оркестра. Эту работу он сочетал с деятельностью

серьезного ученого-этнографа, преподавателя ряда предметов в музыкальном училище, и при этом стал организатором симфонических концертов. Перед публикой он обычно выступал с произведениями Чайковского, Римского-Корсакова, Сибелиуса. С середины 20-х годов этот дирижер начинает гастролировать в странах Европы; в прессе отмечалась выполненная им в Парижском театре «Альгамбра» блестящая постановка одноактного балета «Жар-птица» Игоря Стравинского.

Творческий портрет этого высокоталантливого артиста можно дополнить работой в жанрах изобразительного искусства: ведь он также был выпускником Московского училища живописи, ваяния и зодчества, учеником Поленова и Маковского.

Рассказывая о труппе Донского, нельзя не упомянуть режиссера С. Гецевича. Это первый тифлисский режиссер, имя которого стало достоянием газетной критики – до этого времени оперные постановщики для публики оставались безымянными. Роль Сергея Гецевича, его поддержка руководителя труппы, решившегося на антрепризу в тяжелое для страны время, при всей ее двойственности, не оценима.

Но вернемся к характеристике руководящей роли Лаврентия Донского в прессе. «... Успех и выдающееся расположение публики он (Донской. – М.К.) завоевал грудью, своим феноменальным голосом и безупречно добросовестным, любовным отношением к искусству» («Тифлисский листок»). В этих строках важный подтекст; дело в том, что исполнительские ресурсы артиста сочетались с качествами, вредившими антрепренеру. Это нелюбовь к рекламе, более чем заурядные способности к коммерции, неприятие низкопоклонства и протекционизма. Надо сказать, что предшественником Лаврентия Дмитриевича по антрепризе был знаменитый русский певец Николай Фигнер. Приятель, и в

известной мере, творческий союзник Чайковского, а, с другой стороны, брат Веры Фигнер, деятеля «Народной воли», не гнушался никакими способами извлечения выгоды из служебного положения и, конечно, покрытия дефицита. Так он устроил демонстрацию артистов труппы перед дворцом наместника, поставив перед ними задачу громко выразить верноподданнические чувства. Административная позиция Донского была несовместима с подобными выходками, и вскоре театр оказался на грани банкротства. В одном из журналов появилась злая карикатура: Донской, одетый и загримированный для выступления, при виде пустого зала убегает за кулисы, охваченный пламенем. Тогда режиссер Гецевич, преданный друг Донского и большой патриот театра, решил по-своему спасти положение. Он начал развлекать спектакли трюками, рассчитанными отнюдь не на самую утонченную часть публики. В «Алеко» в цыганском таборе вдруг появилась... живая собака. «Реализм от бегания собаки, конечно, увеличился, – острит критик, но когда она перед каватиной Алеко залаяла, думаю, сам г. Гецевич раскаялся в своей выдумке».

В истории оперного театра на сцену запросто вводились лошади, ослы, впоследствии – слоны, верблюды. Однако ни один сюжет, ни одно либретто не давали повода для участия в спектакле комнатного животного, что могло повредить ходу действия. Напомним, какое беспокойство испытал Рахманинов за дирижерским пультом во время исполнения в Большом театре «Жизни за царя», когда в начале эпизода метели на сцене появилась кошка. «До какой реальности мы доходим в наших постановках – лес и настоящие дикие звери», – комментировал Шаляпин, выступавший в главной роли. Однако Гецевича случай в «Алеко» не шокировал, и домашние животные продолжили «выступления» на тифлисской оперной сцене. В эти годы в Тифлисе участились

гастроли певицы Ван-Брандт. Не блистая вокальными и сценическими данными, она мастерски освоила искусство рекламы. «По поводу всякого ее выступления у нее была готова приманка, – писал фельетонист Вл. Карельский, – и публика шла, недоумевала, пожимала плечами, ругалась и все-таки шла». Не шла – валила! Один из ее трюков – выступление с собачкой на руках, которая рекламировалась как подарок английского короля Эдуарда – стал особенно популярным; в таком виде она встречала Жоржа Жермона, и «Травиата» стала проходить при неизменных аншлагах. Мы позволим предположить, что в потакании режиссера дерзкому капризу певицы небезуспешная попытка сделать спектакль кассовым – так в «Алеко», как позже в «Богеме», где в сцене в Латинском квартале при всеобщем энтузиазме зрителей на сцене появлялся осел.

Ну, а теперь уделим внимание характеристике ведущих солистов труппы Донского. Среди них на первом месте Николай Иванович Сперанский. Уроженец Тамбова, путь оперного певца он начал в частной опере Саввы Мамонтова, где в то время работал Рахманинов. Видимо, закрытие театра Мамонтова после того, как у ее основателя обнаружили серьезные финансовые нарушения, послужило причиной того, что 27-летний певец в поисках работы примкнул к новейшей антрепризе Донского. До этого он был известен участием в утреннем концерте Кружка любителей музыки, руководимого певицей М.С. Керзиной. Большая поклонница Рахманинова, она пригласила композитора на концерт, где Сперанский исполнил его романс «Над свежей могилой». Опера Рахманинова «Алеко» была в числе произведений, открывших Сперанскому путь на тифлисскую сцену. Однако пресса впервые выделила певца в роли Нилаканти, отца и духовного наставника Лакме из оперы Делиба. К его достоинствам относили успешное владение певческим материалом, убе-

дительность грима, продуманность сценического исполнения. Неумное дарование артиста во всем блеске раскрылось в «Борисе Годунове», главная роль которого стала эталоном при оценке других его выступлений. Ярким примером художественного мастерства Сперанского стал образ Кочубея в «Мазепе» Чайковского. С пронзительной эмоциональностью звучал в сцене в тюрьме монолог о трех кладах, который, по словам критика, никого не мог оставить равнодушным. Возможности сценического перевоплощения артиста поистине не знали предела. По отзыву рецензента газеты «Кавказ», Сперанский-Мефистофель оригинальностью интерпретации в известной мере превзошел Шаляпина – при том, что образцовая мимика и пластика (певца. – М.К.) выше всяких похвал».

Представляя в оперетте Зуппе «Боккаччо» Ламбертуччо, артист, судя по всему, поначалу был далек от своего персонажа, но под конец, исполняя злободневные куплеты, так проникся ролью, что по успеху опередил всех участников спектакля. Незабываемым было для тифлисцев участие Николая Ивановича

Л. Донской в опере Дж. Мейербера «Пророк»

Л. Донской в опере Р. Вагнера «Лоэнгрин»

в прощальном концерте труппы. «Сперанского вызывали до изнеможения кричавших и слушавших крики», – сообщалось в «Тифлисском листке». После распада труппы Донского Сперанский выступает в театре Зимина, затем в течение длительного времени служит в провинциальных городах, оставляя всюду благодарную память о себе как певец, преподаватель пения и основатель музыкальных учреждений. В начале 30-х годов становится преподавателем, затем профессором Московской консерватории, а впоследствии и музыкально-педагогического института им. Гнесиных.

Еще один молодой артист труппы Донского, обласканный публикой и прессой Александр Владимирович Богданович, с 1906 года солист Большого театра и один из организаторов его оперной студии. С 1930 г. он

назначается зав. художественной частью оперного театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. 12 февраля 1907 года в Большом зале Российского благородного собрания состоялся очередной концерт «Кружка любителей русской музыки», где в исполнении Богдановича впервые прозвучали пять романсов Рахманинова – «Покинем, милая», «Пощады я молю», «У моего окна», «Фонтан», «Ночь печальна». «Конечно, я ничего не буду иметь против (буду рад!), если их будет петь Богданович, – писал Сергей Васильевич Рахманинов незадолго до концерта. – Тем более, если Вы говорите, что он хорошо поет. И слава Богу!» Через несколько лет Богданович как солист участвовал в первом исполнении «Колоколов» Рахманинова.

К сожалению, не удалось выяснить, как сложилась дальней-

шая творческая судьба Лидии Викшемской, полюбившейся тифлисской публике в роли Земфиры из «Алеко» и Федора Галецкого, изображавшего старого цыгана, ее отца. Этот певец, раздавленный прессой после премьеры «Алеко», уже в последующих публикациях возродился как феникс из пепла, и теми же критиками был вознесен в «горные выси». Здесь же, на тифлисской сцене, во всей полноте раскрылось комедийное дарование Галецкого. Одна из рецензий запечатлела мизансцену, имевшую большой успех: разомлевший на свадебном пиру Галецкий-Фарлаф тщетно борется с одолевающим его сном, но не выдерживает, и на глазах гостей прямо за столом предается объятиям Морфея.

Антреприза Донского длилась неполных два года. И когда нависшая над театром угроза ее прекращения стала реальностью, во время последнего бенефиса Донского, для которого он выбрал трудную и очень неблагодарную роль Фауста в опере А. Бойто «Мефистофель», артист получил от публики дорогостоящий бриллиант, ограненный в виде слезы. Так благодарные тифлисские меломаны расстались со своим кумиром.

Донской до конца своих дней вел активный образ жизни. В молодые годы он вышел из большой бедности (первая работа – маляр в рыбной лавке), а после отъезда из Тифлиса сумел приобрести в Тверской губернии имение Гирино, где подвижнически организовал единственную в России летнюю оперную студию с постоянно действующим интернатом для певцов. Ее неизменными посетителями и зрителями стали видные представители московской художественной интеллигенции – один из них художник Исаак Левитан.

С 1907 года Лаврентий Дмитриевич был утвержден в должности профессора Московского Музыкально-драматического училища.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ვ ი ლ ი

Фото Александра СВАТИКОВА